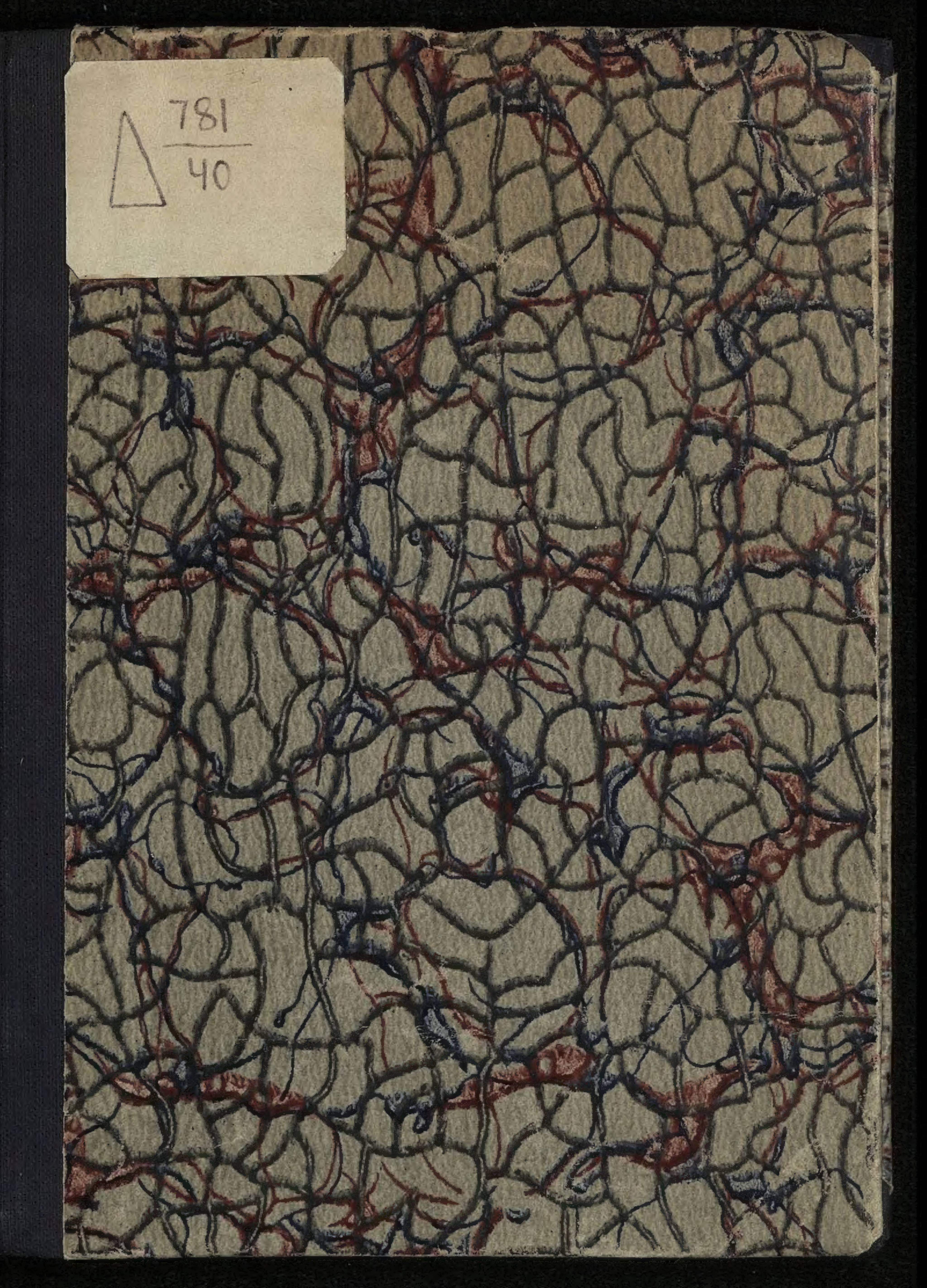
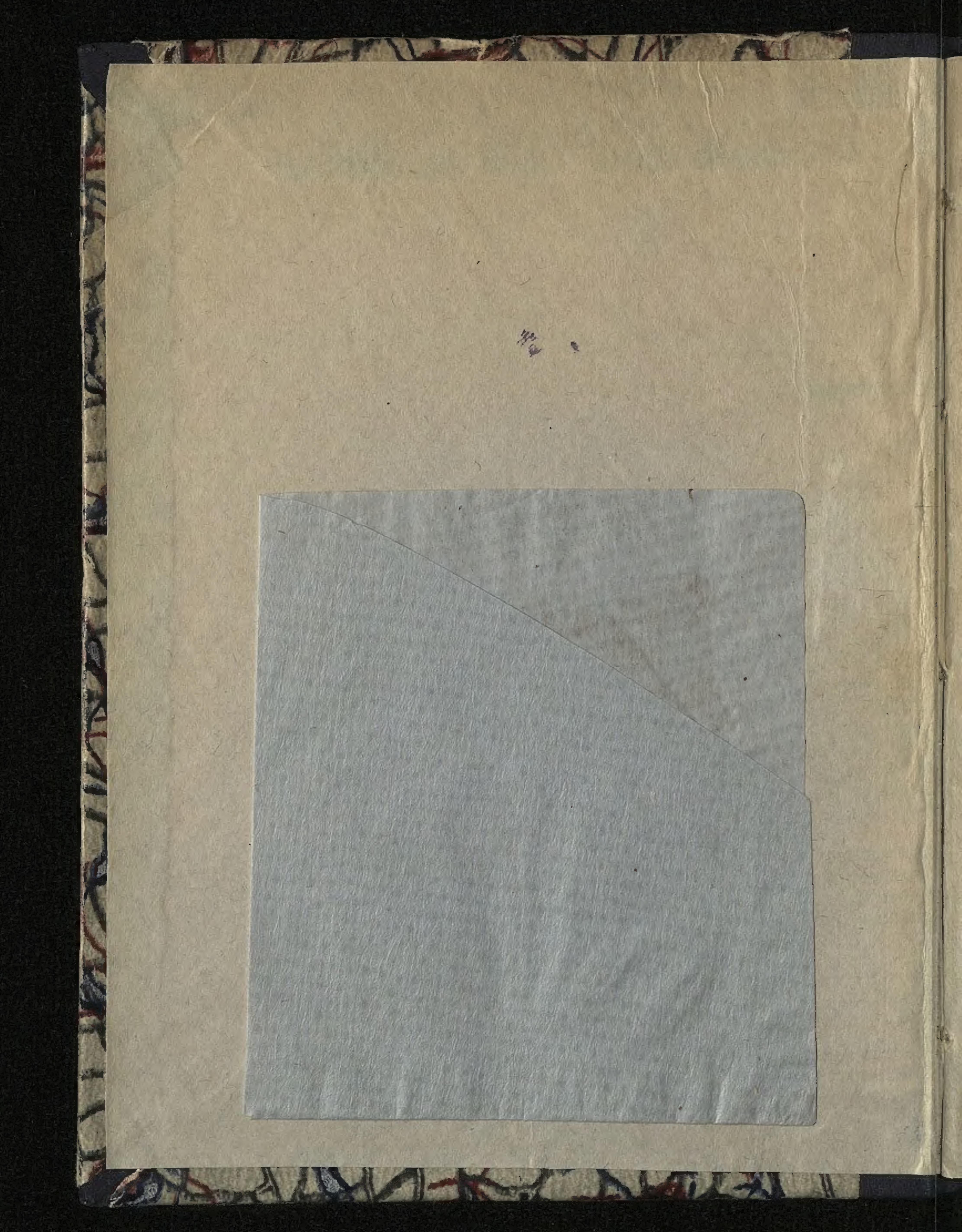
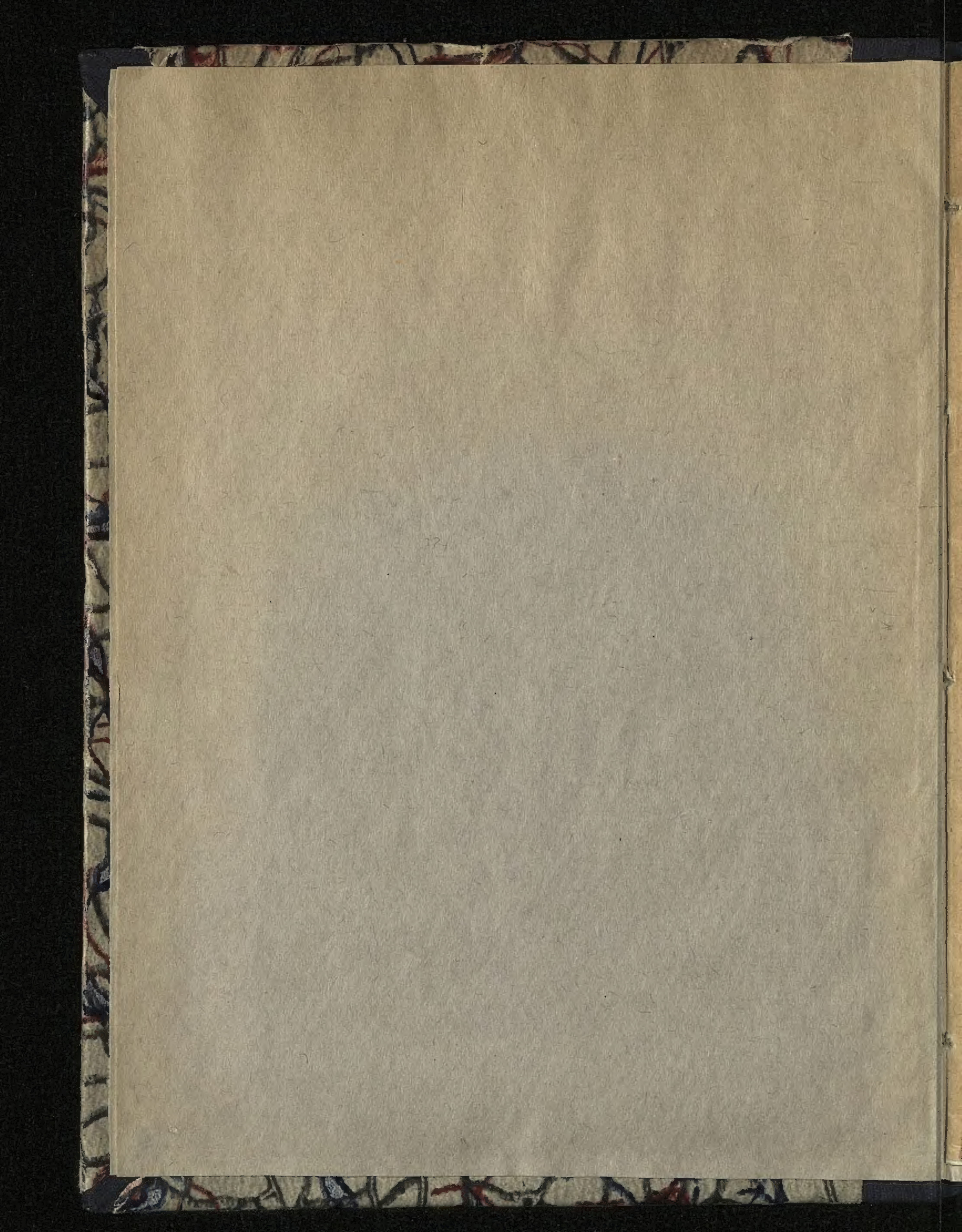
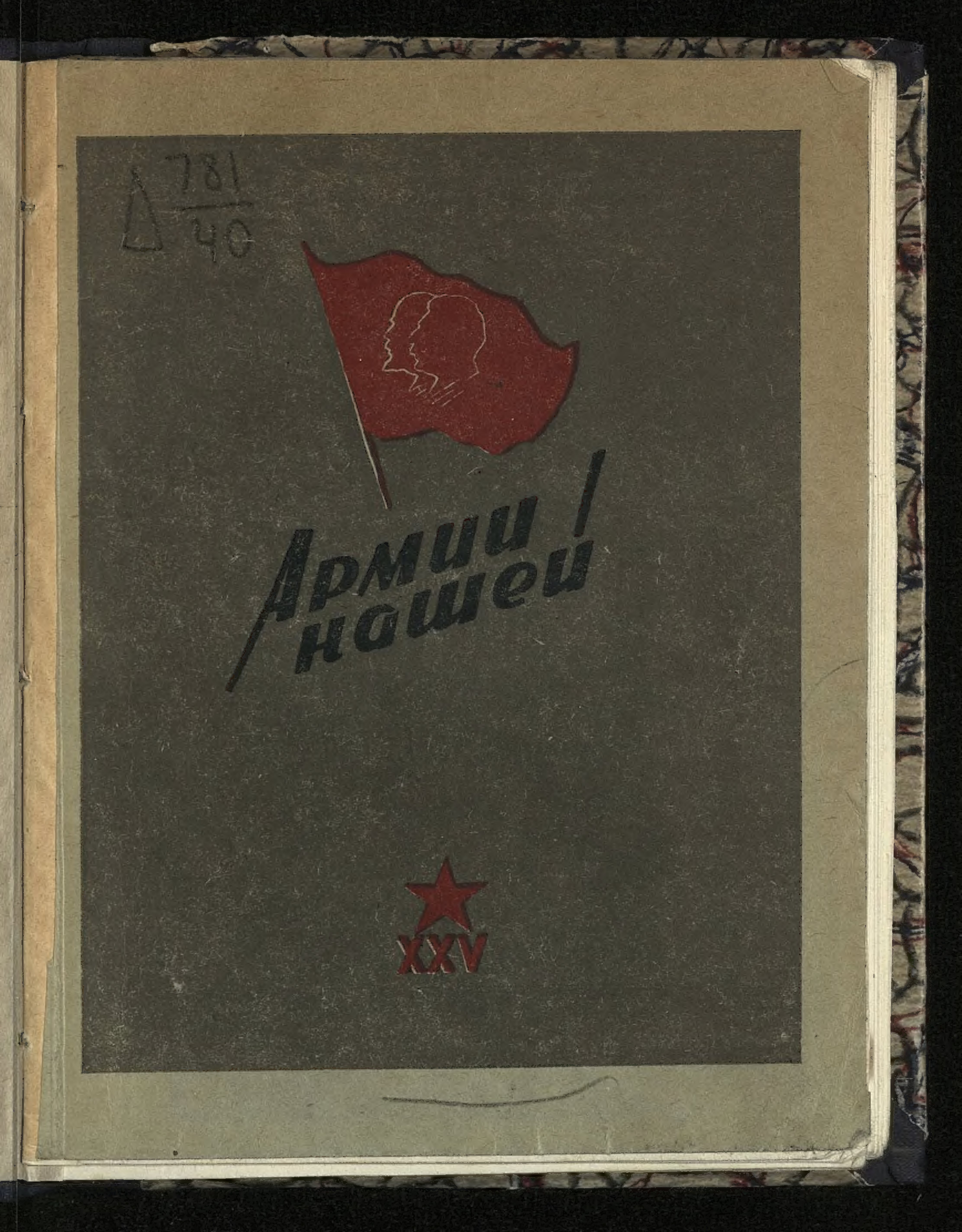
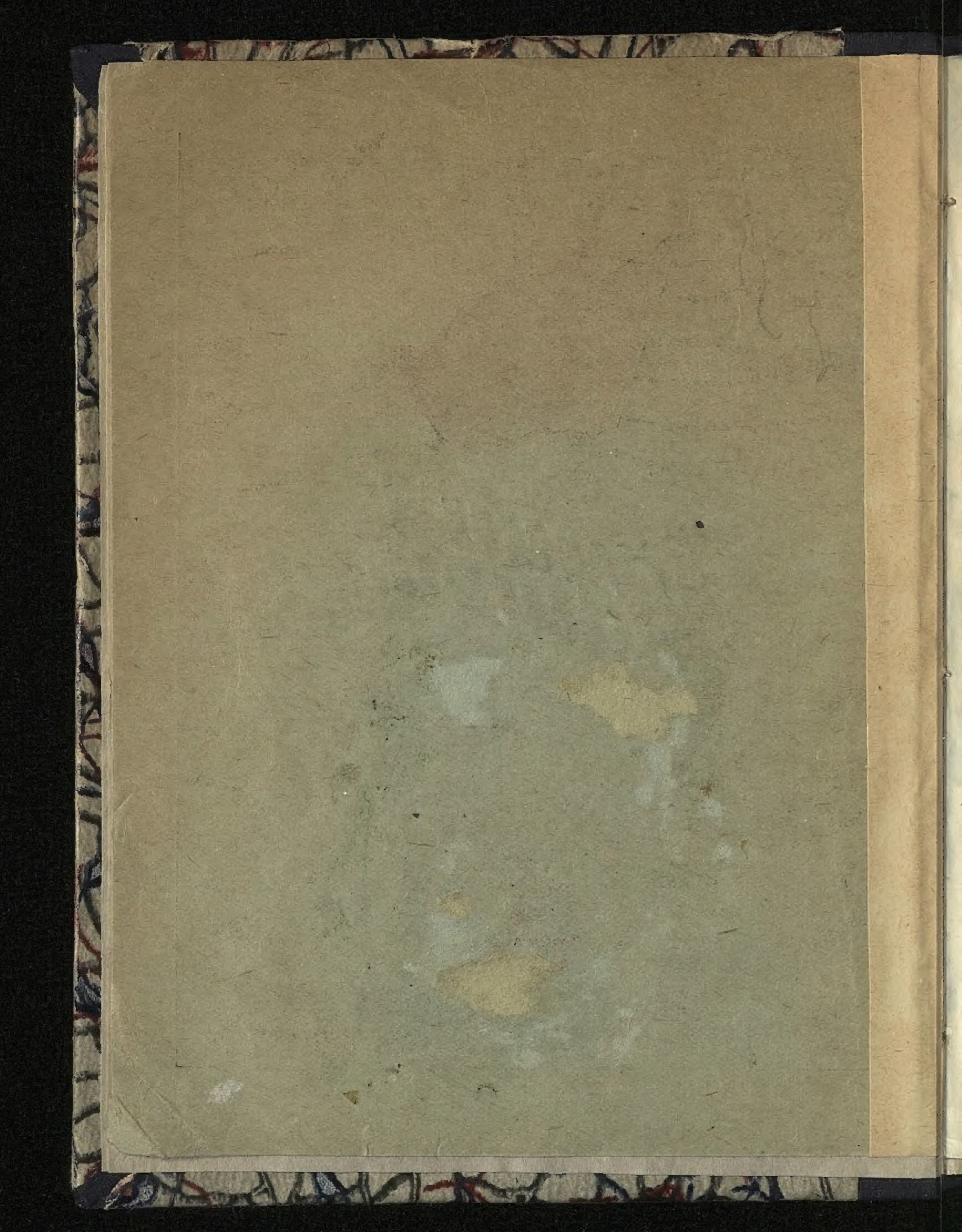

Δ 781/40

781
40
Армии нашей!
XXV

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

АРМИИ НАШЕЙ

СТИХИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПОЭТОВ
О КРАСНОЙ АРМИИ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ

Ленинград — 1943

Нашей Красной Армии — слава!

И. Сталин

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Красная Армия

В ее тени играли наши дети,
Поля шумели, жили города —
Нет армии любимее на свете,
Хранительницы мира и труда.

Пройди весь свет, проверь всех
армий славу,
Пересмотри былые времена —
Нет армии, которая была бы
С народом слита больше, чем она.

Немецких орд железная комета
Явилася на наших рубежах —
Нет армии, которая б, как эта,
Комету эту бросила во прах.

И яростная битва закипела,
Как никогда огромна и грозна —
Нет армии, которая б имела
Вождя полков такого, как она.

Народам час освобожденья снится
В истерзанной Европе наших дней —
Нет армии, которая сравнится
Своею правдой с правдою твоей.

———

ВИССАРИОН САЯНОВ

Расплата

Заря наших дней разгорается ярко,
Знамена шумят на февральском ветру,
Выходят советские танки за Харьков,
Открыта дорога к родному Днепру.

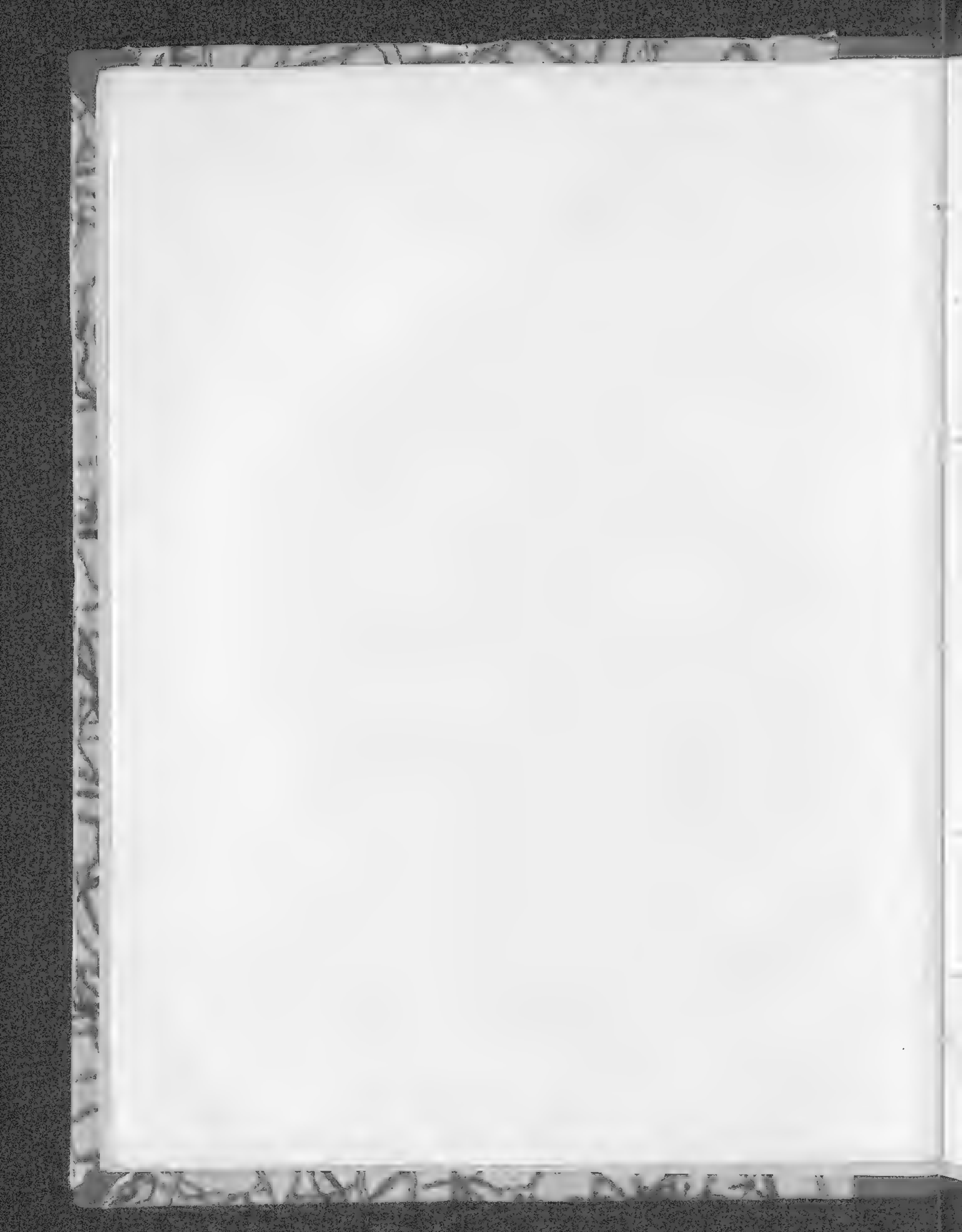
Сестра Украина, проклятому кату
Приходит в степях украинских конец,
За муки народа святую расплату
Свершает сегодня советский боец.

Прославим же, братья, великие вести,
Летящие к нам с украинских полей,
Прославим знамена победы и мести
И зори великих торжественных дней.

Сестра Украина, за слезы, за горе
Сполна нам заплатит злодей-людоед,
От края до края, от моря до моря
Восходит заря украинских побед.

I

БОЕВОЙ ПУТЬ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

* * *

Он нас повел на приступ Октября,
К Царицыну, где бури бушевали,
Он нас учил победе на Урале,
Могучих битв высокая заря
Великое носила имя: Сталин!
Когда врагов тянулись руки все,
Чтоб Петроград ударить в сердце сталью,
Тот грозный меч, что руки им отсек,
Богатыря носил он имя: Сталин!
А наш народ героями богат,
И мы в делах геройских не устали,
И нас ведет не знающий преград
Герой труда, герой героев—Сталин!

Перекоп

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз,
И хлеба—фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

Красным волкам —
За капканом капкан.

Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед.
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж—все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!»
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,—
По сломанным, рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз на четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить,
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

Баллада о синем пакете

Локти резали ветер, за полем—лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось как дуга.

Как телеграмма летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня—не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага—прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо»—прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей—река и мост.

Динамит и бикфордов шнур—его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула—плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

Сразмаху земля навстречу бьет,
Путая ноги сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет—нога потом».

Улицы пусты—тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел,—о френч руки обтер,
Скомкал и бросил на ковер.

— «Оно опоздало на полчаса,
Не нужно, — я всё уже знаю сам».

Воспоминание красноармейца Одиннадцатой армии

Большие годы, дальние
Запали нам в умы,
Как бились в Красной Армии
В Одиннадцатой мы.

Дробили вражьи полчища,
Летевшие на нас,
Храня твои урочища,
Твои края, Кавказ.

Пришло нам время лютое,
Повсюду враг залег,
Раздетые, разутые
Ушли мы на восток.

Патроны все расстреляны,
Все кончились корма,
Ударила метелями
Калмыцкая зима.

Рука лежит на поводе
Синее топора,
Мы шли в тифу и в голоде,
Одетые в буран.

А под холмами снежными
Замерзших груда тел,
Пустыней шли безбрежной мы,
Где ворон не летел.

Лишь волк спиной потертою,
От холода свинцов,
Блеснет да ткнется в мертвое
Шершавое лицо.

И на того на волка мы
Смотрели как в бреду,
И каждый думал: долго ли...
Сейчас я упаду.

Упавших не считали мы,
Тоскуя без границ,
И снились нам за далями
Сады родных станиц.

На Волге отдохнули мы,
Утих метели гром,
Богаты стали пулями,
Всем боевым добром.

Мы отстояли Астрахань,
Ломали белым кряж,
Водил нас в битвы частые
Любимый Киров наш.

Мы дрались под Царицыном,
И пленным — в эти дни
Смотрели прямо в лица мы,
Угрюмей, чем они.

Смотрели в их по-кроличьи
Безумные глаза,
От ярости и горечи
Ни слова не сказав.

В ночь, звездами сожженную,
И сон нам не покой,

Всё снились наши жены нам
Над Тереком-рекой.

Уж тополя по зорькам там
Стоят как бунчуки,
Лежат меж нами горькие
Пустынь солончаки.

Уже снега расцвечены,
Весна уж налицо, —
Однажды сизым вечером
Собрали всех бойцов.

* * *

Хоть столько лет прошло с тех пор,
Я помню всё до дна:
Мы видим — вот идет комкор,
Идет сам Киров к нам.

Тесней сомкнув за рядом ряд,
Мы замерли без слов,
Глядим — глаза его горят,
А весь лицом суров.

«Товарищи, — он говорит, —
Вы помните Кавказ,
И все, кто там в степях лежит,
Не в памяти ль у вас?

Когда ударила зима,
И между двух смертей
Вы шли — и даже смерть сама
Вас не была лютей.

Вас тиф валил и голод грыз,
Бурана волчий вой,

Свистел мороза синий свист
Над вашей головой.

И вы ушли от милых мест,
Покинув дом в ночи,
Там белых сабель плещет плеск,
Там бродят палачи».

Стояли мы, как онемев,
Глядя по сторонам,
И только месть и только гнев
Стучали в ребра нам.

«Молчат проклятые пески,
Где кости сложены,
Я знаю силу той тоски,
Которой вы полны.

Мы здесь сразили всех врагов,
И завтра—грозным днем—
От Волги вольных берегов
Мы к Тереку шагнем».

Стояли мы, похолодев
И не сводя очей,
Но каждый вдруг помолодел
От кировских речей.

«Станицы ждут, аулы ждут,
Нас вольный ждет Кавказ».
Его слова нам сердце жгут,
Кипит душа у нас.

«Не так дорога далека,
Так кончим мы войну,
Обнимет горец казака,
И встретит муж жену.

Вперед, товарищи, пора».
И ночь грозой взвилась,
И тут не то, чтобы «ура», —
Как гром: «Даёшь Кавказ!»

И все бойцы запели гимн —
Интернационал, —
Как будто голосом одним
Он степью пролетал.

* *
*

Была весна, и степь цвела,
Хрустела соль в песках,
И тень орлиного крыла
Лежала на войсках.

Мы били белых, как гроза,
На Тереке седом,
Мы не смотрели им в глаза,
Подернутые льдом.

Мы гнали белых за Кизляр,
И пленникам своим —
Мы не смотрели им в глаза —
На что веселье им.

Мы всю развеяли тоску
В садах родной земли,
И утром огненным в Баку
Мы с Кировым вошли.

Давно то было, — но хочу
До старости сберечь
Неизменяемо ничуть
Тот путь, ту ночь, ту речь.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Царицын
(1918)

«Недели две —
И на Руси
Былой порядок
Воцарится!..»

А впрочем,
Как ни колеси,
Сначала
Нужно взять
Царицын.

У генерала на пути,
В его расположенье вклинясь,
Стоит,
          штыками ощетинясь,
Никак его не обойти!

Какую силу
Он таит?..

Измена —
Город не повален.
Осьмушка хлеба —
Не убит,
Горит! —
И все-таки стоит.

Его
Обороняет
Сталин.

ВИССАРИОН САЯНОВ

Привал в 1920 году

Баранину в ломтях на вертелочке,
Люля-кебаб с приправой из корицы
Нам предлагали добрые сестрицы,
А мы сидели у костра и пели
И очень за еду благодарили.
В чужую даль дозорные смотрели,
Мы о пути далеком говорили,
В степи стояли злые кони бая,
Мелела с края речка голубая,
Степь подымалась, зла и горяча,
В шелках зари и лунном серебре,
Зажав кривую саблю басмача,
Как полумесяц тонкий на заре.
А между тем в тумане желто-синем
Вдруг грянул выстрел, воздух расколов,
Он к нам принес кипение валов
Аральского мелеющего моря.
Приказ — по коням, и с крутого склона
Летит песок, с ковыльным прахом споря,
Таится враг у дальнего затона, —
Погибнуть ли, пробиться ль суждено,
Скорей туда, где дымно и темно,
Где ринутся навстречу сабли вскоре.
Ночь высока, и саксаул горит:
Протяжный залп над степью и над морем
По полукругу синему летит.
Так день за днем, который год в тумане,
Солончака пустого полоса,
Немолчный скрип больного колеса, —

Всё это вместе молодость моя.
Разведчиков бывалых разговоры,
Красноречивый выговор ружья,
Простреленные дымные просторы,
При выщербленной розовой луне,
Застывшие в полночной тишине.
Наш час пришел, сгорел кустарник тощий,
Уже летят в разведку журавли
Сквозь дым и зной непроходимой ночи
На ясный берег утренней земли.
С Валерианом Куйбышевым шли мы
По краю вод и по простору суши,
Его слова запали в наши души,
Его рука вела вперед полки.
Пустыней шли — и падали преграды.
Сверкали в полдень гордые штыки,
Скакали ночью конные отряды.
Пустыней шли — и многие ослабли,
Но всё вздымались кверху наши сабли.
И каждый знал, склоняяся над бездной
Грозивших нам неумолимых вод:
Мы — лишь разведка партии железной,
Дозор народа, высланный вперед.
Там, вдалеке, за жаркими морями,
Где меркнет свет, чуть видимый в ночи, —
Всех наших конных армий трубачи,
Везде знамена реют по станицам,
Флотилии плывут вдоль берегов.
Проходит ночь. Подмогу шлет Царицын.
Победный марш прославленных полков.
А в селах всех за Волгою жива
О Сталине народная молва,
Красноармейцев гордые рассказы,—
И вслух читает сотник молодой
Бессмертные короткие приказы,
Подписанные Сталинской рукой.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Гроза

Она вступила от Чонгара
И путь пересекла потом
Волной неистового жара
И ветром, смешанным с песком.
И за стеклом вагонным тонким
Отчетливее пролегли
Неизгладимые воронки,
Как оспа на лице земли.
Сгустилась темнота в вагоне...
А рядом звон и конский топ,
Стремятся взмыленные кони —
Несут бойцов на Перекоп.
И в узком дефиле, в долине,
Уже клинков сверкает взлет,
И по сивашской синей глине
Пехота яростно идет.
Да что... не улежать на полке
Под гнетом душного тепла.
Вперед, туда, под ветер колкий,
Где нужны руки и дела.
И ливень бьет струями злыми
По мелкой гальке полотна.
И молниями голубыми
Седая мгла рассечена.
И вот тогда из тьмы грозовой
Сквозь стены мощные дождя
Ударил гром и грянул снова,
Как слово, как приказ вождя,
Того, что там, на переправе,

2

Стремительным броском руки
Послал вперед, к бессмертной славе
Непобедимые полки.

...В полях Юшуньского плацдарма,
Под сталью молний голубой
Грохочет голос командарма,
Зовущий и стремящий в бой.
И видит Фрунзе в мгле и дымах,
Как нарастает вихрь атак,
Как над землей сухою Крыма
Высоко взвился красный флаг.

Слава флоту

И были смелыми немногие,
Кто не щадя трудов и сил
На славы бурные дороги
Эскадры флота выводил.

Но шел с отвагой вместе опыт.
И тех не меркнут имена,
Кто брандеры водил к Синопу,
Зажег костер Наварина.

И тех, кто доблестно и прямо,
Форштевнем разрубив струю,
В боях Гангута и Гренгама
Стоял за родину свою.

Из боя в бой сквозь дым лиловый,
Со славой пройдены моря,
Но на руках висят оковы,
И давит сердце гнет царя.

Кто сосчитает стойких, честных
Народа верных сыновей,

В Сибири сгинувших безвестно,
Повешенных на ноках рей!

Но суд великий, правый, скорый
Настал и разрядилась мгла,
Когда ударила «Аврора»
По тем, кто вешал и ссылал.

Балтийцы! Ливень не потушит
Огня тяжелых батарей,
Вы шли за партией на суше
И по волнам пяти морей.

Где волны плещут торопливо,
Стоит у ленинградских врат
На страже Финского залива
Гнездо орлиное — Кронштадт.

Уходят мачты ввысь отвесно,
И путь в моря широк и прям,
И в гаванях кронштадтских тесно
Могучим новым кораблям.

А нам морями дальше плавать,
Владеть любою глубиной,
Наследникам гангутской славы
И начинателям иной.

ЮРИЙ ИНГЕ

Кронштадт
(1918)

Над волнами залива седыми,
Не страшась ни боев, ни блокад,
Ты несешь свое славное имя,
Прибалтийская крепость — Кронштадт.

В час, когда, обрывая причалы,
Пронеслась боевая гроза,
Ты на выстрел двумя отвечала,
Смерти глядя в пустые глаза.

Мы потомкам в наследство откажем
Эти громкие были, Кронштадт,
За отвагу твоих экипажей,
Никогда не ступавших назад.

Заливая дороги и пашни,
Как осенний балтийский прибой,
Прямо с палуб вы шли в рукопашный
Наш последний, решительный бой.

За рабочее дело, за братство,
Подымая знамена до звезд,
С площадей стороны Петроградской
Прорывались на Троицкий мост.

Так прошли вы стальною колонной
Сквозь штыки юнкеров и картечь,
Вас в атаку вела неуклонно
Ильича вдохновенная речь.

Вы держали просушенным порох
И, мятежников в грудь поразив,
Встали вновь на могучих линкорах
Грозной вахтой у входа в залив.

И гремит над волнами седыми
Дальнобойных орудий раскат,
В нем твое заслуженное имя,
Боевая твердыня — Кронштадт!

БОРИС ЛИХАРЕВ

Вступление в Комсомол

Крутой высоты Заозерной на склоне
Кипел несмолкаемый бой.
Бойцом в это время в родном батальоне
Товарищ служил молодой.

«Ребята, — сказал он, — вы все в комсомоле,
Я с вами походы прошел.
Живым возвращусь иль останусь на поле,—
Примите меня в комсомол».

А в поле сверкали огни боевые,
И пушки гудели вдали,
И мы поднимали винтовки стальные
Во славу советской земли.

И некогда было ребятам ответить,
Как в бурю гудел небосклон.
Развернутым строем к борьбе и к победе
В атаку пошел батальон.

Когда боевые замолкли раскаты,
И слава спустилась на дол, —
«Живи, наш товарищ, — сказали ребята, —
Мы примем тебя в комсомол».

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

Андрей Коробицын

Что такое граница?
Спокойнейших сосен вершины,
Моховое болото, туманы, дожди и песок.
Хойка — финский ручей, шириною в четыре аршина,
И тропинка к заставе, бегущая наискосок.

Что такое граница?
Работа широкого риска,
Это — путь пограничника, ночью, дозорной тропой,
Это — маузер сбоку, как самая суть террориста,
И навстречу бандиту — фуражек зеленый прибой.

Надо выйти вперед и открытою грудью пробиться
Через ряд мелочей,
К основному рассказу ведя.
И тогда — на виду — зашагает Андрей Коробицын
По зеленой земле,
По блестящему следу дождя.

Прямодушен порядок деревьев тяжелых и ржавых,
У тропинки — сарай, совершенно дремуч и мохнат.
И молчат за сараем
Представители мирной державы,
Документы в порядке —
От маузеров до гранат.

Вот уже ветерком, как тишайшею смертью, подуло...
Пограничник идет по тропинке,
И тут невозможна ничья.

Что такое граница?
Четыре прищуренных дула,
Окрик «стой» и «сдавайся»
И четыре аршина ручья.

Пограничнику ясно одно — и отсюда рождается
подвиг,—
Нарушители наших границ. перешедшие берега,—
Это новая бомба в напряженное сердце заводов.
Враг на нашей земле.
Коробицын идет на врага.

Так ударили пули, опаленный кустарник ломая.
И когда на тревогу и выстрелы,
Покидая ночные посты,
С двух сторон выбегают на помощь...
Торопитесь, товарищ Мамаев.—
И начальник заставы
Продирается через кусты.

Он не видит еще
Уходящей на север границы,
Результатов неравного боя
В угрюмой предутренней мгле,
Где, простреленный трижды,
Лежит у ручья Коробицын,
И бандиты уносят бандита.
Назад — к невеселой земле.

Там знамена рябин опускают тяжелые кисти
Яркокрасного цвета.
Рассвета проходит река.
И кончается повесть...
И нету пятна на чекисте,
На простой, как железо,
Биографии батрака.

Нам известны военные подвиги
Всевозможных времен и окрасок,
Но, Андрей Коробицын,
Превосходною славой звени.
В этом есть напряженье
И мужество
Целого класса,
И над самою смертью
Тебя подымают они.

Хойка — финский ручей,
Ты катил свои темные воды,
В расторопном порядке
Бежали волна за волной...
Я видал эту мрачную пропасть,
Разделяющую народы,
Шириною в четыре аршина
И едва ли в аршин глубиной.

Но единое дело идет по земле нерушимо,
И дождется ручей величайшего дня своего:
Мы поставим мосты
Протяженьем в четыре аршина,
Дети вброд перейдут
Пустяковые воды его.

ЕЛЕНА РЫВИНА

Милый уезжает далеко

Милый уезжает далеко.
С милым расставаться нелегко.

Выпал нынче срок ему.
Путь его не прост.
Ехать на Восток ему —
В пограничный пост.
А кого я вечером
Подзову к огню.
А кому на плечи я
Голову склоню.

Милый уезжает далеко.
С милым расставаться нелегко.

Перед вами, девушки,
Слез я не стыжусь.
А ему я, девушки,
Так не покажусь.
И о том, что в горести
Глаз не подыму,
Не болтайте, девушки,
Другу моему.

Милого в дорогу обряжу.
Варежки я теплые свяжу.

Варежки-подарежки
В синюю кайму.

Послужите, варежки,
Другу моему.
Чтобы самой стужею
Другу не дрожать,
Чтоб ему оружие
Крепче бы держать.

Если на далеком берегу
Быть я рядом с милым не могу.

Пусть не о заплаканной
В дальней стороне,
Пусть о смелой, ласковой
Помнит обо мне.
Это наш он, девушки,
Сторожит покой.
И горда я, девушки,
Что мой друг такой.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Песня сапёров

Дрожат леса и горы,
Врага берет тоска,
Когда идут саперы,
Советские саперы—
Умелые войска!

Все вражеские доты
Берем мы в оборот,
Чтоб не было охоты
Им портить наш поход.
Горят все волчьи норы,
Взлетают по кускам,
Когда идут саперы,
Советские саперы—
Геройские войска!

И что бы ни придумал
Еще белобандит,
Без шума или с шумом
Он будет нами бит!
И гром победы скорой
Предшествует полкам.
Когда идут саперы,
Советские саперы—
Победные войска!

Танкисты

(1939—1940)

Водитель парнем был простым—
Тот Ларченко геройский,
Казалось, с танком он на ты,
С ним говорит по-свойски.

Вот о таких сказал всерьез
Сам маршал Ворошилов,
Что это танка виртуоз,
Играющий машиной.

Идут боями. Враг хитер,
Сидит, укрыт норою,
Дома бросает он в костер,
Вокруг ловушки строит.

Идут лесами. Ночь. Ни зги.
Лишь тьма молчаньем душит.
То шорох снега иль враги?
Слух напрягай и слушай.

Идут дорогой. И на ней
Сосна к сосне упала,
Еще таких по глубине
Не видели завалов.

— Пошли,—тут Ларченко сказал,
Вздохнув широкой грудью.—
Для трусов, может, то завал
Для нас дорогой будет.

Гремели сосны и хрустя
Ломались ветви с ходу,
Широких гусениц костяк
Лесную мял породу.

Под нею мины. Минный шквал
Рвал взрывом сосен жилы,
И на полметра танк взлетал,
Подброшен минной силой.

И шел качаясь и взлетал,
Гудели взрывы шире,
Тянулся дьявольский завал
Километра четыре.

Пошла другая красота:
Камней и бревен кручи,
Танк встал. Не то, чтоб он устал,
Чтоб присмотреться лучше.

И кто-то молвил: кончен ход!
Взяло сомненье злое.
Но Ларченко сказал:
— Пройдет!
Как не пройдет? Пустое!

Чтоб наш советский грозный танк
Не взял такой преграды?
Он не имеет права! Так
Пройдет мой танк, как надо.

На третьей скорости пустив,
Водитель слушал глухо
Как бревна начали скрести
Литое танка брюхо.

И танк повис и так дрожал
Как ничего не весил,
И Ларченко его держал
На чудном равновесьи.

И танк карабкался и полз,
Как будто акробат он,

А камень скользок был и гол
И был к тому ж покатым.

И танк вошел на вышину,
Мгновенья не замешкав,
Рычаг водитель повернул
С довольною усмешкой.

И он увидел: взорван мост,
Черна в реке водица,
И танк взревел и в воду врос,
Как будто шел напиться.

Тут Груздев видит: нет стрелков,
Пехота вся отстала.
Но командир—он был таков,
Стоять нам не пристало.

— Вперед! — И танк пошел вперед,
Он вражьи норы режет,
Земля фонтанами встает,
В броню осколков скрежет.

Удар и дым и блеск огня,
Сказал водитель строго:
— Бандиты ранили меня,
Окровянили ногу. —

И он осколки вынимал,
Сознанья не теряя,
Он сам себя перевязал,
От ярости пылая.

И вновь удар, зеленый блеск,
Сквозь дыма занавески
Услышал Груздев странный плеск,
Бензина запах резкий,

Танк встал, качнулся, встал, стоит.
Земля в фонтанах вьется.
Провод бензинный перебит,
Бензин по танку льется.

— Скорее, Ларченко, давай. —
Сказал спокойно Груздев: —
Иди на башню, подавай
Патроны там к орудью.

Снарядный вихрь вокруг кипел.
Стал Груздев запевалой,
С геройской силою запел
«Интернационал» он.

И гимн, великий гимн труда,
Борьбы, освобожденья,
Они запели все тогда,
И было грозно пенье.

И словно крепость танк стоял,
Громил врагов неистов,
И духом враг тогда упал,
Не смел итти на приступ.

Уж ранен тот, и тот, и тот.
Но каждый, как титаны,
Свой легендарный бой ведет,
Не замечая раны.

Часам давно потерян счет,
Но вот из-за болота
Пехота славная идет,
Советская пехота.

И видят: почернев от ран,
В огне разрывов вражьих

Стоит, как витязь, гордый танк
С геройским экипажем.

И видят: банду над рекой
Танкисты покосили,
И силы в мире нет такой,
Чтобы тот танк осилить.

Штыков блеснула тут гора,
И в бледном зимнем свете
На то пехотное «ура»
«Ура» им танк ответил!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Во славу, во имя...

(1939—1940)

Мы по снегу шли глубиною в пять метров
Зернистому, цвета песка,
Навстречу нам бури, метели да ветры,
Да белого стана войска.

Мы шли там, где стыли в берлогах шакалы,
Где скалы, где лес, где тайга,
Мы шли там, где мины зарылись в завалы,
Где выла по-волчьи пурга.

Нас тьма обступала чернее мазута,
Лютей этой тьмы—холода,
Мы неба не видели несколько суток,
Подумаешь—тоже беда!

Коль кровь обожгла снег до мхов, до суглинка
Коль гром и огонь без конца,
Коль падали сосны в боях, как былинки,
Под острой струею свинца.

За родину! Шли мы, не знавшие страха,
Вдыхавшие ветер атак,
За Сталина!—клятвой звучало в атаках,
И это воистину так!

Ничто не спасало врага от разгрома:
Ни гребни расколотых льдов,
Ни смерч, охвативший полнеба, багровый
Сожженных врагом городов.

Ни реки с кипучей водой, ни болота,
Ни горы вблизи и вдали,
Ни мины, ни вечные дебри, ни доты
Сдержать наш напор не могли.

Мы вышли к победе стремительной лавой,
И там, где гремела война,
Над павшими с честью в той битве кровавой
Склонила знамена страна.

Мы были, отчизна, бойцами твоими,
Мы будем навеки веков,
Во славу Советской державы, во имя
Земли без рабов и оков!

Песня героического похода
(1939—1940)

Полки идут в поход, в поход суровый, дальний,
Синеет сталь отточенных штыков.
Горит одна звезда на всех знаменах армий—
Звезда моя, звезда Кремля—земли большевиков!

И где они идут, там флаги вьет победа
И навсегда развеян гнет оков.
И где они прошли — по их большому следу—
Заря моя, заря Кремля—земли большевиков!

Полки идут в поход. В знаменах небо ало.
В ответ на козни с вражьих берегов
Гремит всегда одно:
«Нас родина послала —
Земля моя, земля Кремля, земля большевиков!»

Пройдут века, умрут и сгинут беды
И встанет светлой в памяти веков
Страна, где Сталин выковал победу,—
Звезда моя, заря моя, земля большевиков!

Тост

В кругу родном, в кругу своем,
Вдвоем или втроем
В честь Сталина, друзья, споем,
В честь Сталина споем!

Он любит песню—слышал я—
И наша встань в черед,
Ведь наша родина, друзья,
Вся песенной слывет.

За то, чтобы сердцам гореть
В честь друга и отца...
И если голосом не спеть,
То пусть поют сердца!

За тысячи мелькнувших верст,
За новые пути,
Лети, наш тост, до дальних звезд.
До синих звезд лети!

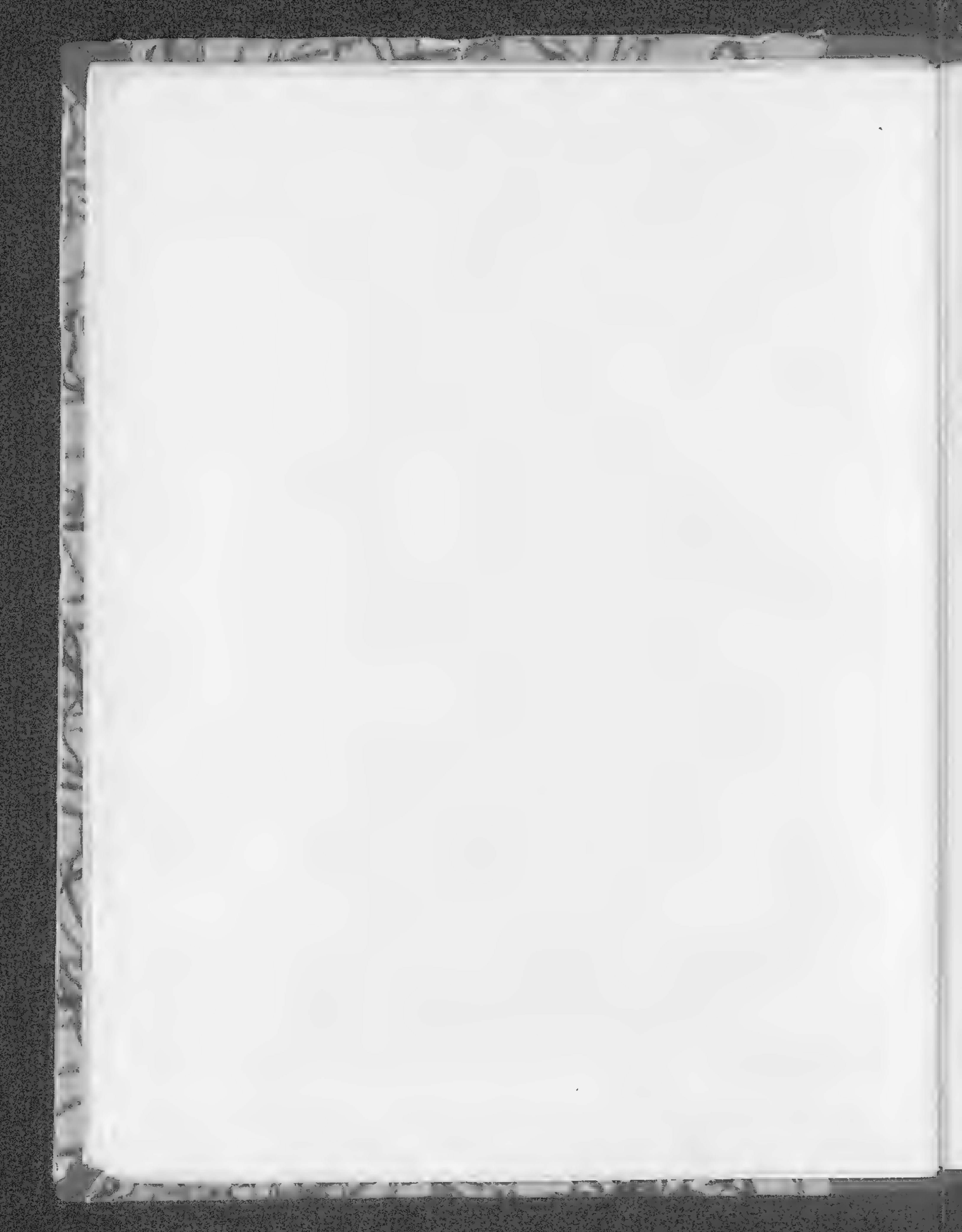
За реки, бьющие зимой
Кипучею водой,
За наш суровый путь прямой,
За край наш молодой!

За Армию, чей путь побед
Идет через края,
Которой равной в мире нет
И не было, друзья!

За наш поход, за наш народ,
За славу наших дел,
За то, чтобы из года в год
Марш родины гремел!

II

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1. КЛЯТВА

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Идут красноармейские колонны

Идут красноармейские колонны,
Суров и грозен их походный строй,
За Ленинград, наш город непреклонный,
За Ленинград, любимый город свой.

Идут они. Кругом — земля родная,
Сентябрьский отблеск солнца на штыках,
Идут они и, может быть, не знают,
Что каждый шаг останется в веках!

Отчизна вкруг. Ее холмы и скаты,
Поля, поля, небес поблекший шелк...
Идут они, и словно бы с плаката
Правофланговый на землю сошел!

Мгновенье, стой!
Он рушит все преграды,
Идет на танк со связкою гранат...
За ним сады и парки Ленинграда,
За ним в одном порыве Ленинград!

Клянемся!

Сильнейшею верою верю тому,
Что свет наших звезд не затмить никому!

Они не погаснут во веки веков,
Зажженные волей большевиков!

Дано им гореть, им надо гореть,
Не могут, не могут они умереть!

Сиять им, гореть им, их доля такая...
Над нашей победой они засверкают,

Таранят над миром нависшую тьму...
Нет, свет наших звезд не затмить никому!

Клянемся великим семнадцатым годом,
Клянемся всем счастьем и горем народа,

Что мы без победы домой не вернемся.
Клянемся!

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Декабрь 1941 г.

Растет, шумит тот вихрь народной славы,
Что славные подъемлет имена,
Таким он был в свинцовый час Полтавы
И в раскаленный день Бородина.

Все тот же он под Тулой и Москвою,
Под Ленинградом в сумрачных лесах.
Бойцы идут. У них над головою
Родные звезды в снежных небесах.

Нет, рано враг торжествовал победу —
И, сквозь пожаров дымные рога,
Бойцы идут по вражескому следу,
Врезая шаг в скрипучие снега.

А враг бежит, смятенный и голодный,
Кляня судьбу проклятую свою,
Как завершенье веры всенародной,—
Слова вождя исполнились в бою.

Бойцы идут среди родимых пашен
Победным шагом, грозны и легки,
А их народ зовет: гвардейцы наши,
Любимые, желанные, сынки.

Идут бойцы, их губы крепко сжаты,
Лежит на Запад огненный поход,
Их движет месть—безжалостный вожатый
И вражьих тел великий счет ведет.

Громя врага и мстя, мы твердо знаем,—
Она пройдет, смертельная пурга.
Последний залп над Рейном и Дунаем
Сразит насмерть последнего врага!

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Памятник Суворову

Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.

В его руке стремительная шпага,
Военный плащ клубится за плечом,
Пернатый шлем откинут, и отвага
Зажгла глаза немеркнущим огнем.

Бежит трамвай по Кировскому мосту,
Кричит авто, прохожие спешат,
А он глядит на шпиль, как шпага, острый,
На деловой, военный Ленинград.

Держа в рядах уставное равненье,
Походный отчеканивая шаг,
Народное проходит ополченье
Пред гением стремительных атак.

И он, генералиссимус победы,
Приветствуя неведомую рать,
Как будто говорит: «Недаром деды
Учили нас науке побеждать».

Несокрушима воинская сила
Того, кто предан родине своей.
Она брала твердыни Измаила,
Рубила в клочья прусских усачей.

В Италии летела с гор лавиной,
Пред Францией вставала в полный рост,
Полки средь туч вела тропой орлиной
В туман и снег на узкий Чортов мост.

Нам ведом враг, и наглый и лукавый,
Не в первый раз встречаемся мы с ним,
Под знаменем великой русской славы
Родной народ в боях непобедим.

Он прям и смел в грозе военных споров.
Страны, подобной нашей, в мире нет.
Вперед, друзья! — Так говорит Суворов,
Ваш прадед в деле славы и побед.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Дорога Армий

I

Был у меня один знакомый летчик
С веселым чубом черным и лихим.
Он был туляк. Его воздушный почерк
Поистине был почерком мужским.
Он говорил: «Закон пилотов прост:
Бьем в гриву немцев, а заходим в хвост».
Порассказать он мог тогда о многом,
Но для беседы время не пришло...

Стоял сентябрь. По выжженным дорогам,
В огонь бросая за селом село,
Захватчики стремились в Ленинград,
Где был назначен отдых и парад.
С пожитками, с детьми, с мешками хлеба,
Гоня стада недоенных коров,
Колхозный люд—безмолвен и суров—
Спасался в город и глядел на небо,
Туда, где мирно плыли облака,
Где «мессер» удирал от туляка...
Сентябрьских нам не позабыть ночей,
Когда, сломав на небе строгий сектор,
С прожектором скрестил другой прожектор
Высокий столб серебряных лучей,
Когда фугаски заунывный вой
Впервые прозвучал над головой.
Нам не забыть осенних жарких дней,
Когда легла—во славу Ленинграда —

В «Онегине» воспетая ограда
На груду балок, бревен и камней,
Когда проснулся грозный Ленинград
В тугом кольце угрюмых баррикад.
Где были мы в то время?.. Из-под Луги
Пришли одни. Другие из лесов
Прибалтики, задерживая псов
Огнем такой артиллерийской выоги,
Таким холодным бешенством атак,
С каким прорвался в песню Железняк.

Пороховой, нагретый солнцем, душный
Я помню день—и я о нем пою.
Мужает смелый. Гибнет малодушный.
И Армия рождается в бою,
Чтоб мог боец, чья ненависть остра,
Сказать бойцу, пришедшему вчера:
— Красноармеец! Вот река,
Где мы сказали—«стоп».
Ты прибыл к нам издалека,
С винтовкой встал в окоп.
Один разок взгляни назад,
Что видишь?..
— Ленинград.
— Теперь вперед, за тот овраг...
— Там никого...
— Там враг!
А эти желтые огни—
Ракеты над тобой...
Проверь подсумок,
Штык примкни:
С рассветом грянет бой.
А час рассветный недалек.
Ну, что молчишь, милок?..
Ведь три нашивки, погляди,
Ношу я на груди.
Сперва накрыл меня снаряд

И пушку нам разнес.
Тогда мы с боем шли назад—
Силен был немец-пес...
Ты не подумай, паренек,
Что я с тобой суров.
Тебе, наверно, невдомек,
Что это вот — за ров.
Был скуден зимний наш паек,
Пурга валила с ног.
Трех уложил я, паренек,
Четвертого не смог..
Ну, а весной у нас дела
Пошли повеселей.
Турнули гадов из села,
Вон из-за тех полей.
Они, не выдержав огня,
Пустились наутек.
Я не почуял, как меня
Один из них подсек...
Я трижды, парень, пролил кровь—
Будь трижды проклят враг—
И если он полезет вновь,
Отсюда—ни на шаг!

II

Как не накинуть на звезду арканы,
Так русскому под немцем не бывать...
— Вот ваш рубеж... Стоять,—сказал нам Жданов.—
Отсюда в путь мы двинемся опять—
В обратный путь. На свой ступая след.
Из боя в бой—дорогою побед...

И наша Армия врагов остановила...
Растерянный немецкий журналист
Занес в дневник: «Хоть я не фаталист,
Но некая таинственная сила

Какой-то чудодейственный заслон
Прервал движенье танковых колонн».

Его дневник невольно интересен.
Он пишет так: «Мы шли со всех сторон.
Противник нес весьма большой урон.
Машин хватало. Фронт был даже тесен
Для нашей техники, но с каждым днем пути
Все тяжелее было нам итти,

И мы зарылись в землю». Остается
Добавить нам, что этот журналист
Решил услышать пуль советских свист
И что дневник продолжить не придется...
Он свиста не услышал, потому
Что пуля в ухо свистнула ему...

Из города, со всех его окраин
Мы вышли к немцам... Но не на поклон.
Их в поле встретил колпинский хозяин—
Ижорский легендарный батальон.
Народ стоял за Армией. Он был
Источником великих наших сил.

И началась блокада... Город замер,
Сугробами заваленный до крыш.
Он перед всей страной держал экзамен...
Нева была похожа на Иртыш.
Дома—на глыбы каменных пород.
Трамвай—на мамонта, вмурованного в лед.

Но город жил... Дыханьем согревая
Немеющие руки, он точил
Стволы орудий... С мясом отрывая
Примерзшие к металлу пальцы, пил
Из проруби. И, хлеба съев кусок,
Похожий на спрессованный песок,

Спешил к станку. Он мук своих не мерил.
Он жил для фронта. Он в победу верил.
Голодный, замерзающий—он был
Источником великих наших сил.

Не по его ль приказу, успокоив
Навеки роту немцев, ни на шаг
Не отошли одиннадцать героев,
Когда во мгле подкрался подлый враг?!
— Огонь!—воскликнул Власов и упал
Лицом к врагу, как жил и как стоял.

Не по его ль приказу шла Орлова
Навстречу смерти, чтоб спасти бойца?
Не он ли в бой направил Ушакова?
Рукою Тэшабоя-храбреца
Не он ли—несгибаемый—водил,
Когда в атаку Тэшабой ходил?!.

Сегодня вновь
звучит сигнал.
Тревожен
сердца стук.
На мушку немца,
наповал!—
Как славный Симанчук.
Вперед,
товарищи,
вперед!
Захватчика—
на штык.
Гранатой —
с ходу —
в черный сброд!—
Как смелый Боровик.
Наган сегодня
сердцу мил.

Винтовка —
нам жена.
Бей смертным боем!
Бей, как бил
Никулин—старшина.
Как Недобой,
бросайся в бой.
Рази врага,
рази!
Патронов нет —
прикладом бей,
Зубами загрызи!..

Теми полями-долами—
Нынче пустыми, голыми,
Теми садами-селами
Черными, невеселыми,
Криками окровавленных,
Проданных в рабство, скрученных,
Стоном детей оставленных,
Мукою жен замученных,
Сердцем клянемся пламенным,
Словом клянемся каменным,
Смертью, что нами пройдена,—
Мы отстоим тебя, Родина!

III

Ты, говоришь, повоевал неплохо.
Но слишком близок город. Он велик.
В нем некогда советская эпоха
Стремительно взошла на броневик.

Он—за моей и за твоей спиной.
Он осажден... Не мы ль тому виной...

Его громят снаряды... Щели вырыв,
Он трудится, не покладая рук.
Не для того погиб товарищ Киров
И вынес город столько тяжких мук,

Чтоб до сих пор вокруг него стеной
Стояли немцы!.. Кто тому виной?..

Мы стойко бьемся—это знает всякий.
Но знаем мы и знает целый мир,
Что не затем построен был Исакий,
Чтоб немец молвил: «Вот ориентир».

Пока висит над городом блокада,
Покуда «Юнкерса» шумит над ним мотор,
О прошлых подвигах нам говорить не надо.
Живой фашист—живой для нас укор.

Не кто-нибудь, не чудо, не мессия—
Лишь мы с тобой ответственны в борьбе.
Твоя жена, твой сын, твоя Россия
Свою судьбу доверили тебе.

История!
Твой громкий шаг мы слышим.
С гранатной сумкой,
С вещевым мешком
Ты мчишься в танке,
Ты идешь пешком,
Ты дышишь порохом,
Которым все мы дышим.
Мы—не историки,
Но мы тебя напишем
Гранатой,
пулей
и штыком!

ЕЛЕНА РЫВИНА

Бойцам Ленинградского фронта

Бойцы Ленинградского фронта!
За вашей спиной Ленинград.
Глаза его прямо в глаза вам
С великим доверьем глядят.
В солдатские ваши ладони
Свою он с любовью кладет,
И голос его в вашем сердце:
— Огонь по фашистам! Вперед!

Бойцы Ленинградского фронта!
За вашей спиной Ленинград.
Клялись мы священною клятвой,
Что шагу не ступим назад.
Пусть раньше содвинутся с места
Тяжелые плиты дворцов,
Петровский гранит над Невою,
Чем цепи стальные бойцов!

Боец Ленинградского фронта,
Который рожден над Невой,
Чье детство пропахло веселой,
Свободной балтийской волной.
Я знаю: ты хищнику в руки
Не дашь свою старую мать,—
Ты раньше расстанешься с жизнью,
Чем город свой сможешь отдать.

Бойцы Ленинградского фронта,
Родившиеся вдали,

Которые к стенам великим
Защитниками пришли,—
Мы славим бессмертное братство
За нас принимающих бой,—
Вы тоже теперь ленинградцы,
Гордитесь своею судьбой!

Боец Ленинградского фронта,
Украинец или казах,
Рожденный в чеченском ауле,
В привольных кубанских степях,—
Но сыном кому бы ты ни был,
И где бы ты ни был рожден,
Ты бьешься у стен ленинградских
За степь, за аул свой, за Дон!

Бойцы Ленинградского фронта!
Вперед—наш единственный путь,
Вперед—наше первое слово,
А все остальное—забудь!
Одна нам дорога — на Запад,
А все остальные—откинь,
Не тронут фашистские лапы
Земли ленинградских святынь!

ДМИТРИЙ ЛЕВОНЕВСКИЙ

Великая клятва

В сердцах наших гордость,
Упорство, отвага.
Сегодня бойцы
Принимают присягу.

Великую клятву
Приносят отчизне:
В бою не щадить
Своей крови и жизни.

И каждый клянется
Словами присяги:
Быть первым—в геройстве,
Примером—в отваге.

— Назад не отступим,
Ни пяди, ни шагу...
Клянутся бойцы,
Принимая присягу.

В бою не изменим,
Бесстрашными станем,
Как учит нас Ленин,
Как учит нас Сталин.

Священную клятву
Дают ленинградцы,
До вздоха последнего
С Гитлером драться.

Как гордое знамя
Сурового боя,
Та клятва сегодня
Звучит над Невою.

Чтоб наши полки,
Опаленные дымом,
Вернулись с победой
В свой город любимый!

ОЛЬГА БЕРГОЛЬЦ

Песня о жене патриота

Хорошие письма из дальнего тыла
Сержант от жены получал,
И сразу, покамест душа не остыла,
Друзьям по оружью читал.

А письма летели сквозь дымные ветры,
Сквозь горе и пламя войны
В зеленых, как вешние листья конвертах,
Сердечные письма жены.

Писала, что родиной стал из чужбины
Далекий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына,—
Отца б дожидался да рос.

Читали—улыбка с лица не скрывалась,
Читали, слезы не сдержав:
— Хорошая другу подружка досталась.
Будь счастлив, товарищ сержант.

Пошли ей, сержант, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас.
Совет да любовь вам, да ласковых деток,
Когда отгрохочет война.

А ночью внезапно прорвались враги,
Отчизне бедой угрожая,
Как воин, геройскою смертью погиб
Сержант, за окопчик сражаясь.

Друзья собрались и вдове молодой,
Как младшей сестре, написали:
— Поплачь, дорогая, над ним, над собой,
От слез убывают печали...

Ответ получили в таком же конверте,
Зеленом, как листья весной.
И всем показалось, что не было смерти,
Что рядом их друг боевой...

— Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте,—писала она,—
Не плачет, не плачет вдова патриота,
Покамест бушует война.

Когда же сражений умолкнут раскаты
И каждый к жене заспешит,—
В тот день я, быть может, поплачу, солдаты,
По-женски поплачу, навзрыд.

...Так бейся же насмерть, отважная рота,
Готовь же отмщенье свое,—
За то, что не плачет вдова патриота,
За бедное сердце ее!

ВИССАРИОН САЯНОВ

Дружинница

Ночью темною, в утро глухое,
На просторах полей боевых,
В час последнего, грозного боя
Слышен голос дружинниц родных.

Небо в грохоте, в пламени тонет,
И пылают леса, как костры.
В перелеске, где раненый стонет,
Промелькнула пилотка сестры.

Лишь раскаты вблизи прогремели
На родных потрясенных лугах,
Вышла девушка в серой шинели
И в тяжелых, больших сапогах.

Санитарная сумка с бинтами
У нее на широком ремне,
В битве, в пламени рядом с бойцами
Каждый видел ее на войне.

Как ей все благодарны. В суровом
Гуде боя и в свисте свинца
Эта девушка ласковым словом
Призывала к победе бойца.

В громе взрывов и в отблеске молний,
Бороздивших небесную синь,
Как святыню, храним мы и помним
Имена молодых героинь.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Мальчики

Сияет майский Ленинград.
Народных волн кипенье.
Глядит мальчишка на парад,
Весь красный от волненья.

Как лес, пред ним штыки растут,
Блестят клинки нагие,
Какие танки мчатся тут,
Броневики какие!

Идут большие тягачи
И тянут сто орудий,
На них сидят не усачи,
А молодые люди.

И шепчет малый, как во сне,
Пленен зеленой сталью:
— Вот если б мне, вот если б мне
Такую б пушку дали!

Мальчишка рос, мальчишка креп,
Носил уж галстук бантом...
Глядишь, уж ест солдатский хлеб,
Стал мальчик лейтенантом.

И пушку дали, целый склад
Снарядов чернобоких,
И вышел мальчик на парад
Смертельный и жестокий.

Там, где залива плещет вал,
На солнечной опушке,
Там, где ребенком он играл, —
Свои поставил пушки.

За ним был город дорогой,
За ним был город милый,
А перед ним леса дугой,
Набиты вражьей силой.

И через голову идут
Куда-то вдаль снаряды,
Не вдаль враги куда-то бьют, —
А бьют по Ленинграду.

И он, сжимая кулаки,
Сквозь все пространство слышал
И стон стекла, и треск доски,
И звон разбитой крыши.

Он представлял себе до слез
Так ясно это пламя,
Что рвется там и вкривь и вкось
Над мирными домами.

Над домом, где родился он,
Над школой, где учился,
Над парком, где в снегу газон,
Где в первый раз влюбился.

Кричал он пересохшим ртом:
— Огонь! — кричал, зверея.
Стегал он огненным кнутом
По вражьей батарее.

И стиснув зубы, разъярен,
Сквозь всех разрывов вспышки,

Всегда мальчишку видел он:
Шел улицей мальчишка.

Совсем такой, каким был сам,
Весенний, длинноногий,
Неравнодушный к воробьям,
Такой — один из многих.

И сам он был, как воробей,
Как-то немного тощий —
Шептал себе он: «Не робей!
Храбрись, так будет проще!»

Лишь вражий залп отбушевал,
И дым унесся пьяный,
Уж он осколки подбирал
Горячие в карманы.

И так он сердцу близок был
За гордость и за смелость,
Что весь свой гнев,
что весь свой пыл
Ему отдать хотелось.

— Такого мальчика не тронь!
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал:
— Огонь!
Бей беглым по злодеям!

...И наступила тишина,
Над знакомой рощей реет...
— К молчанию приведена
Фашистов батарея.

— Приведена, ну, хорошо —
То дело нам знакомо,

Так значит мальчик мой дошел,
Поди, сидит уж дома...

А что за мальчик?
— Это так!
Так вспомнилось чего-то,
Ведь не о мальчике, чудак,
У нас сейчас забота.

И сам на мальчика похож,
Лукавый, легкий, тощий;
Чуть усмехнувшись, лейтенант
Пошел вечерней рощей!

ВЕРА ИНБЕР

Царица полей

Задолго до танка и до самолета,
Ты славилась силой своей.
Ты битвы решала, пехота, пехота,
Пехота — царица полей.

Препятствия все на пути ты сметала,
Спасая Россию от бед.
С великим Петром ты была под Полтавой,
Суворову шла ты вослед.

По гирлам Дуная, болотам Стохода,
В холодных, как лед, камышах,
По горло в воде ты шагала, пехота,
Шагала, винтовки подняв.

По горным дорогам, по зимним Карпатам
Ты шла по колено в снегу,
Но духом никто из идущих не падал,
Никто не сказал: — Не могу.

Навстречу тебе выходили с поклоном,
Дивились с деревьев и крыш.
Пехота, пехота, твои батальоны
Входили в Берлин и Париж.

Хвала артиллерии и самолетам,
И танкам и пушкам хвала.
Но все они любят, пехота, пехота,
Чтоб с ними ты рядом была.

Чем больше тебя и чем ближе ты рядом,
Тем вражеский натиск слабей,
Пехота, спасительница Сталинграда,
Царица приволжских степей.

Стоишь ты на Пулковских наших высотах,
И неколебимый гранит
Священную память, пехота, пехота,
Навек о тебе сохранит.

5 Зак. 270

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

* * *

«Долиною Смерти» назвали
Клочок этой русской земли,
Где в грохоте рвущейся стали
За насыпью мы залегли.

Как тянется время на свете! —
Вся жизнь промелькнула быстрей,
Чем день, проведенный под этим
Огнем девяти батарей.

Очнешься от взрыва, и снова
Готовишься гибель встречать,
И много тут было такого,
Что лучше забыть и молчать.

Уже равнодушный к страданьям,
Я ждал, провожая зарю,
Когда же с последним дыханьем
Я имя твое повторю.

...Мы вышли из этого ада,
Шутили, шагая вперед,
Что нашего, дескать, солдата
Немецкая сталь не берет.

И вправду поверил тогда я,
Крещенный в смертельном огне,
Что буду я жив, дорогая,
Пока ты грустишь обо мне.

Новогодняя ночь

Зима и ночь. И мерзлых трупов груда.
Здесь были укрепления врага.
Живых врагов мы выбили отсюда,
А мертвых — скоро занесет пурга.

И мы в боях немало потеряли.
И мы хлебнули горя и невзгод,—
Но с бодростью, без страха и печали
В траншеях этих встретим Новый Год.

Пусть в канонаде ночи новогодней
Забыли мы, что значит тишина,
Но праздник свой мы празднуем сегодня,
И кружки нам наполнит старшина.

И пусть не будет дружеской пирушки,
Пускай кругом мятели и снега,—
Друзья подымут жестяные кружки
За Ленинград и за разгром врага.

Еще не время говорить про славу,
Но знают все, что выше нет наград
Чем, победив, сказать стране по праву:
Мы отстояли в битвах Ленинград.

* * *

Ты писала: был ли хоть однажды
Без тебя я счастлив на войне?
Это дело темное. Но дважды
Счастье все же улыбнулось мне.

...Ветер дул все резче, все свежее,
День вставал на невском берегу,
Семь часов лежали мы в траншее
На сыром, на мартовском снегу.

На восьмом, прищурившись от ветра,
Наблюдатель указал на цель.
Вот она, не дальше сотни метров,
Подлая немецкая шинель.

Все, чем жил я, чтоб хоть с малой честью
Мне пройти недолгий путь земной,
Все сошлось на черном перекрестье
Снайперской винтовки предо мной.

Лучше умереть, чем промахнуться.
Грянул выстрел и второй подряд —
Вижу, наблюдатели смеются:
— Чистая работа, — говорят.

... А еще я помню самолеты,
Пролетающие точно в срок.
Снизу опоясаны болота
Проволокой узкою дорог.

Тихие широкие просторы
Далеко под крыльями легли,
Голубое пламя от мотора
Рвется в ночь — не видное с земли.

Все внизу покрыто лунной дымкой,
Да и здесь вверху, как бы сквозь дым,
Легким самолетом-невидимкой
Мы над вражьим лагерем летим.

До сих пор повсюду, где б я ни был,
Вижу я во сне ли, на яву ль,
Слабо освещающие небо
Полосы трассирующих пуль.

До сих пор я слышу голос друга,
До сих пор приказ его звучит.

— Вот теперь бомбите! — это глухо
Лейтенант мне в трубку говорит.

Я нажал рычаг, не слышал гула
(Слишком яростно мотор ревет),
Но взрывной волной тогда встряхнуло
Маленький и легкий самолет.

И на миг, качнувшись от удара,
Я увидел, как исчезла тьма,
И победным пламенем пожара
Деревянные зажглись дома.

Сколько было немцу тут печали
Я представить превосходно мог:
Сами мы под бомбами лежали,
Так что знаем это на-зубок.

Так вот и воюем и не тужим,
Так вот и живется на войне.
Если писем нет — конечно, хуже.
Получаю — значит легче мне.

Но тогда душа была согрета
От иного, грозного огня.
Ты простишь мне. Именно за это,
Вероятно, любишь ты меня.

Товарищу

Дочь оставив и жену,
Шел товарищ на войну —
И берег он возле сердца
Фотографию одну.

А на карточке на той,
На любительской, простой,
Смотрит девочка, смеется,—
Вьется локон золотой.

Труден, долог наш поход,
Нам еще итти вперед.
Этой девочке веселой
Третий год теперь идет.

Тут нельзя не помечтать,
Как бы свидеться опять.
Ясно, девочку такую
Интересно повидать.

У меня у самого
Тоже парень ничего.
Скоро пятый год мальчишке
И Андреем звать его.

А кругом земля в огне,
Как ведется на войне.
Далеко дружку — в Саратов,
А до Омска дальше мне.

Только в общем — все равно,
Расстояние одно:
Версты нам считать не к дому,
А к Победе — суждено.

Так условимся на том,
Что с тобою мы придем
Раньше к Ревелю и к Риге,
А к Саратову — потом.

Строитель дороги

Он шел по болоту, не глядя назад,
Он бога не звал на подмогу,—
Он просто работал, как русский солдат,
И выстроил эту дорогу.
На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото.
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.
Пойми, чтобы помнить всегда и везде,
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде
Не жалуясь даже соседу.
Все вытерпи ради родимой земли,
Все сделай, чтоб во-время ровно
Одно к одному по болоту легли
Настила тяжелые бревна.
...На западе розовый тлеет закат,
Поет одинокая птица.
Стоит у дороги и смотрит солдат
На запад, где солнце садится.
Он курит и смотрит далеко вперед.
Задумавший точно и строго,
Что только на Запад бойцов поведет
Его фронтовая дорога.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Клятва гвардейцев

Тишина. Призамолкла на час канонада,
Скрыто все этой режущей слух тишиной.
Рядом — город бессмертный. За честь Ленинграда
Встали сосны стеной, люди встали стеной!

Тишина непривычной была, непонятной.
Предзакатною. Медленно день умирал.
И тогда вдоль рядов, величавых, как клятва,
С новым воинским знаменем прошагал генерал.

Тишина перед боем. Враг, не жди, не надейся,
Заберет тебя ночи чернее тоска,
Здесь, готовые к битвам, встали гвардейцы,
Молодые, победные наши войска.

Рядом были землянки, блиндажи в пять накатов,
На поляне, в сосновом лесу за Невой,
Обернувшись на Запад, на Запад к закату,
Встала гвардия наша в полукруг боевой.

Знамя принял полковник. Снег на знамени—пеной.
Бахрому тронул иней. Даль застыла — строга.
И, охваченный трепетом, командир на колено
Опустился в глубокие наши снега.

И — клянемся! — сказал он. И духом геройства
Вдруг пахнуло на рощи, поля и луга.
И тогда, как один, опустилося войско
На колени в глубокие наши снега.

Тишина. Все в снегу, больше черном, чем белом,
И тогда над холмом, за который деремся,
Над снегами, летящее ввысь прогремело,
Прогремело железное слово:
— Клянемся!

2. ГЕРОИ

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Бессмертие

Направо река от него. Повороты
Дорог, отзвеневших вдали.
И там за рекою фашистские роты
На нашей земле залегли.

Он видит далеко и в грохоте слышит,
И пусть хоть полнеба в дыму,
Но тянется яростный провод на крышу,
Послушный ему одному.

Фашисты из щелей полезли — он видит,
Им место не здесь, а в раю!
Так пусть же узнают, как их ненавидим,
Как любим отчизну свою!

Ведь мы их не звали сюда, не просили,
Скорей настигай их, беда!
И ненависть, равная буре по силе,
Как буря летит в провода!

— Огонь! — он скомандовал на батарею, —
Вояки промокли слегка,
Пора подсушить их, коль солнце не греет,
Подсыпьте-ка им «огонька!»

И ухнули разом. Кривая полета
Идет через песню мою.
О том, как разили его минометы,
Я слово герою даю.

«Сегодня на рассвете, — записал лейтенант Иван Николаевич Павленко, — немцы подтянули к деревне около 15 танков и больше роты пехоты. В это время я сидел на крыше двухэтажного дома. Когда я увидел варваров — сердце облилось кровью. Я скомандовал: «Огонь!» — Тяжелые мины рвались среди скопища вражеской пехоты. Я от радости кричал. Здесь на поляне враг увидит свою смерть! Вперед за победу! Подлый враг будет разбит!».

И дальше — на уголке клочка бумажки:

«Вражеские снаряды изрешетили весь дом. Я с поста не уйду!»

Вперед за реку прорывались отряды.
И враг заметался, гоним.
...Он пал наш товарищ, но бывшее рядом
Бессмертие встало над ним!

И, славящий мужество наше прямое,
Я вижу, как входят в века:
Дом, в щепы разбитый. Герой-комсомолец.
Столетние сосны. Река.

МИХАИЛ ДУДИН

* * *

Два отделенья охраняли остров.
Садилось солнце. Вечер был багров.
И шторм крепчал. Пылали в небе пестром
Разодранные клочья облаков.

Был каждый напряжен, сосредоточен,
Чего-то ждал, месил на месте грязь.
А шторм крепчал, и в середине ночи
Девятым валом оборвало связь.

А, может, и не валом. Только смертью
Повеяло, предчувствием беды,
Когда на остров жуткие, как черти,
Полезли люди прямо из воды.

Они ползли, ложилися врастяжку.
Их было много. Рота... батальон...
Но встал связист, рванул бушлат, тельняшку
И выбросил смертельный медальон.

Он бросился в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот.
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.

Он все забыл. Кипучее стремленье
Его несло и умирать, и жить,
И мысль одна — скорей за подкрепленьем
Добраться, добраться, доложить.

А он, петля, рывком упругим рвался,
Хоть шторм и пули, видно, заодно.
Как пробка на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.

В кровь изодрав и локти, и колени,
До нельзя зол и до предела слаб,
Он выплыл и пополз на четвереньках,
И не вошел — ввалился плахой в штаб.

И капитан увел навстречу ночи
Своих людей, успев в дверях сказать:
— Герой, но это между прочим,
Дать спирту и перевязать.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Василий Никулин

Среди Шимских лесов
Этой песни начало...
Мать, над сыном склонясь.
Люльку мерно качала.
В печке тлел уголек
Переливчатый, красный.
«Спи, сынок-Василек,
Соколенок мой ясный...»

Эта песня лежит
На душе моей грузом...
В ней сначала поется
О мальчике русом.
Все деревья облазил,
Все лесные овраги...
А потом в ней поется
О русской отваге.

Эту песню завел
Соловей голосистый
О весенней заре,
О тропинке росистой
И о той, что ждала
В сарафанчике узком...
А потом в ней поется
О воине русском.

Немцы черною тучей
Над Шимском нависли,
Свой приход знаменуя
Пожаром и кровью.

Как поведать
Про тяжкие Васины мысли?..
Как в стихах передать
Боль и горечь сыновью?..

Немец шел напролом
Отбирать нашу волю.
Он столкнулся с Василием,
Русским солдатом.
— Не позволю!—
Сказал Василек,—
Не позволю!..
Познакомились немцы
С его автоматом.

А потом он шагал
По вечерней дороге,
Вспоминая приметы,
Известные с детства.
Словно сами собой
Принесли его ноги
К той избушке,
Что батька оставил в наследство.

«Чтобы здесь,
Где до старости батька трудился,
Немец стал на постой
И над нами глумился?..
Чтобы здесь,
Где жена моя дочку рожала,
В сапожищах
Немецкая сволочь лежала?..»

Сжег Василий свой дом.

«Ты поймешь меня, Настя...
Не отдам на позорище
Нашего счастья!..»

Среди Шимских лесов
Этой песни начало.
И лететь ей навстречу
Снарядам и пулям
В тот окоп,
Где разведка врагов повстречала,
Где погиб за отчизну
Василий Никулин.

Комиссара враги,
Окружив, подкосили.
Нет работы теперь
Твоему автомату...
— Отползай! —
Закричал комиссару Василий
И рванул,
Подбегая к фашистам,
Гранату!..

Может, малую дочку,
Может, милую женку
Он позвал,
Занеся над собою лимонку?..
Может, ранняя зорька,
Может, желтая нива
Засияли ему
В полыхании взрыва?..

И не грохот заполнил
Леса и овраги,
А победная песня
О русской отваге.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Баллада о Дёмине

Земля дорогая в пепле, в золе,
Горячий, июльский зной.
Фашистские танки идут по земле,
По нашей земле родной.

Но встали мы грозно на их пути,
Вкопались в землю до плеч,
Чтоб им не пройти, чтоб им не уйти,
Чтоб их, ненавистных, сжечь.

Мы любим отчизну, с ней смерть победим!
Кто мыслит не так — умрет.
И здесь против танка один-на-один
Демин — боец встает.

Но рано он встал. Мгновенье одно
Ему б подождать еще,
Коль пуле врага лететь дано,
И вот она бьет в плечо.

Хочу, чтоб понятно было всем
И стих не хочу тянуть.
Пятнадцать метров,
десять,
семь
Осталось танку рвануть.

И счет на секунды ведется... не лгу,
Тут песню бы надо сложить
О том, как крикнул Демин врагу:
— Не жить тебе, гад, не бить!

Мы, что завоевано, не сдадим,
Об этом знает любой!..
И вот против танка один-на-один,
Превозмогая боль,
Демин стоит и кровь течет
И ненависть бьет ключом.

Бутылка с горючим летит в броню
И танк предает огню.
За то, что плечо пробил — гори!
За то, что сжег — гори!
За то, что пришел сюда — умри!
За то, что ты гад — умри!

---

6 Зак. 270

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Баллада о трех коммунистах

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Разведчики бывалые, поход для них не нов.

Стоят леса зеленые, лежат белы снега.
В них гнезда потаенные проклятого врага.

Зарылись дзоты серые, переградив пути,
Ни справа и ни слева их — никак не обойти.

Здесь залегла неметчина в приволховском песке,
И в лоб идут разведчики, гранату сжав в руке.

То дело им знакомое — и в сердце ровный стук,
Когда гуляют громы их гранатные вокруг.

Гуляют дымы длинные меж узких амбразур —
И трупы немцев синие валяются внизу.

И снег как будто глаже стал и небо голубей —
Бери оружье вражие, повертывай и бей.

И взвод вперед без выстрела — но тотчас взвод
залег,
Попав под град неистовый из новых трех берлог.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Все трое в то мгновение увидели одно:

Что пулеметы вражьи из амбразур не взять,
Что нет гранаты даже — и медлить им нельзя!

Что до сих пор разведчики, творя свои дела,
Не шли туда, где легче им, — куда война вела.

И вот сейчас на подвиг пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых, три брата боевых.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые, но видят лишь одно:

Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подъемлет Ленинград.

Где двести дней уж бьется он с немецкою ордой,
И над врагом смеется он смертельной красотой.

Спеши ему на выручку! Лети ему помочь...
Сквозь стаи псов коричневых, сквозь вьюгу,
битву, ночь!

И среди грома адского им слышен дальний зов —
То сердце ленинградское гудит сквозь даль лесов!

И оглянулись трое: и, как с горы видна,
Лежит страна героев, родная сторона.

И в сердце их не прежний, знакомый, ровный
стук, —
Огнем оделось сердце, и звон его вокруг.

И ширится с разлету, и блещет, как заря, —
Не три бойца у дзотов, а три богатыря.

Навстречу смерть им стелется, из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу идут богатыри.

Вы, немцы — псы залетные, смотрите до конца,
Как дула пулеметные уперлись в их сердца.

А струи пуль смертельные по их сердцам свистят,—
Стоят они отдельные, но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною, за дзотом дзот затих.
Нет силы во вселенной, чтоб сдвинуть с места их!

И взвод рванул без выстрела — в штыки идет
вперед,
И снег врагами выстелен — и видит дзоты взвод.

И называет доблестных страны родной сынов:
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов!

Темны их лица строгие, как древняя резьба,
Снежинки же немногие застыли на губах.

Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дзотов узкие закрыты грудью их!

ЕЛЕНА РЫВИНА

Майор Ушаков

В бою, где танкисты давили врагов,
Был ранен майор Константин Ушаков.

Лавиной железа, стеною огня
Стоял броневой батальон.
На душах танкистов лежала броня,
Которую выковал он.

Упал командир. Но поднялся он вновь.
Текла из ушей его теплая кровь.
В поту—он от боя еще не остыл.
Бойцы подбежали к нему.
— Майор, вам немедленно надобно в тыл,
Вы глухи, — сказали ему.

Но гневом и болью сверкнул его взор.
— Неправда, я слышу, — ответил майор. —
Я слышу, Отчизна кричит: отомсти!
И верен мне слух мой пока,
Я слышу, как Жданов велит:—Не впусти
В твой город любимый врага!
Майор, ты обязан врага задержать,
Ведь твой Ленинград за тобой...
Так пусть же, кто глух—остается лежать,
Я слышу!—И бросился в бой.

ДМИТРИЙ ЛЕВОНЕВСКИЙ

Песня о Николае Артамонове

Дымом взрывов опаленного,
Боя огненную явь—
Николая Артамонова,
Песня звонкая, прославь!

Как рекой он плыл широкою...
Бил навстречу пуль поток.
Как со свистом мины грохали
В волн бурлящий кипяток...

Как потом за амбразурою
Смолк немецкий пулемет.
В клубах дыма чернобурого
Захлебнулась вражья дзот.

Это он взорвал гранатою
Черное гнездо врага,
Выжег логово проклятое,
Поднял к чорту на рога.

Мстил за брата он сожженного,
За поруганный очаг,
За деревню разоренную,
Дым пожарища в ночах...

Это он поднялся мстителем
И обрушил на врагов
Гнев и ярость истребителя,
Сталь отточенных штыков!

И в священном исступлении
Вел, не дрогнув, за собой
Всех бойцов подразделения
На жестокий смертный бой.

Он стоит у дзотов занятых,
У залитых кровью стен.
Сорок фрицев пали замертво,
Шестерых уводят в плен...

Верный сын родной Смоленщины
Отомстил за Ленинград,
Отомстил за вас он, женщины,
За тебя, сожженный брат!

Славь же в битвах закаленного,
Песня Родины, в веках—
Николая Артамонова,
Победившего врага!

ВИССАРИОН САЯНОВ

* * *

При выполнении боевого задания самолет коммуниста капитана Л. В. Михайлова был подбит немецкими зенитками и загорелся. Михайлов не выпрыгнул из самолета. Он направил пылающий бомбардировщик на колонну вражеских танков и врезался в нее, нанеся немцам большой урон.

Там, где взгорье, речка, луг зеленый,
Где шоссе вдоль берега ползет,
Над немецкой танковой колонной
Пролетел советский самолет.

Скоростной летел бомбардировщик,
Но зенитка вражья не молчит...
Над глухой березовою рощей
Самолет советский был подбит.

Пламя сразу вдруг заполыхало,
Озарило синие края...
И промолвил капитан Михайлов:
— «До конца свой долг исполню я.

Танки немцев рвутся к Ленинграду,
Мы пробиться немцам не дадим.
Я поставлю ворогам преграду—
Жизнь моя преградой будет им!..»

И, направив самолет горящий,
Он в колонну врезался с высот.
Умирая, помнил воин мстящий:
«Танки гибнут... немец не пройдет!»

* * *

В июльский день 1941 года комсомолец младший лейтенант С. И. Здоровцев совершил беспримерный подвиг — в воздушном бою таранил „Юнкерс-88".

Недалеко от города Острова,
Где желтели льняные поля,
Протянулась до берега пестрого
Древних псковских владений земля.

Это что ж, самолеты немецкие
Над землей наших дедов гудят?
Ястребки полетели советские
Черным воронам на перехват.

«Били всех мы от немцев до половцев,
Нам родная земля дорога».
И решил русский юноша Здоровцев
Победить, протаранив врага.

Он идет на таран! «Юнкерс» в дыме...
Победитель над лесом скользнет,
Чтоб глазами взглянуть голубыми
На немецкий в огне самолет.

И на летное поле родное
Поведет своего ястребка.
...О таране, о славном герое
Сохранится рассказ на века!

Мария Уткина

I

В синь далекого простора
Протянулась полоса,
Пограничные озера,
Пограничные леса.

Весь Карельский перешеек
За туманной полосой.
Красный флаг над зданьем реет
На гряде сторожевой.

На озерной переправе
Лодки новые стоят,
В тихом доме на заставе
Пограничников отряд.

День и ночь они дозором
Обходили край лесной,
Плыли в лодках по озерам,
Шли заброшенной тропой.

Поздней ночью им не спится,
В зимний день они на льду,
Чтобы враг не смог пробиться
За высокую гряду.

И всегда в труде привычном
Молчалива и светла,
В этом доме пограничном
Прачка тихая жила.

К ней привыкли на заставе.
— «Тетя Маша, как дела?»
— «Тетя Маша, не устали?»
Молчалива и светла,

Руки в белой мыльной пене
На мгновенье приподняв,
Отвечала всем степенно:
— «У меня особый нрав.

Нет по мне работы тяжкой...»
У озерной полосы
Слышно: бьют на башне Спасской
В полночь громкие часы.

Подает отчизна голос
Всем родимым сыновьям,
Всем, растящим в поле колос,
Всем, ходящим по морям...

2

День пришел. Война настала,
По тревоге боевой
Пограничная застава
Встала грозною стеной

На пути врага, и снова
Залпы грозные гремят.
Возле озера лесного
Пушек вражеских раскат.

И к начальнику заставы
Машу Уткину зовут:
— «Тетя Маша, не устали?
Оставаться трудно тут.

Вам от нас уехать нужно.
Как окончится война,
К нам вернетесь. Снова дружно
Будем жить... Пока ж...» Она

Отвечает командиру:
— «Тяжело расстаться мне.
Здесь жила я в годы мира,
Здесь останусь на войне...

Будет драться вместе с вами
Ваша прачка. И в бою
С кровожадными врагами
Защищать страну свою.

Никуда я не уеду...»
...День и ночь кровавый бой,
Враг ползет в траве по следу
Над грядой береговой.

Но, сражен ударом метким,
Камнем падает в волну.
Слава воинам разведки,
Защищающим страну.

Если вдруг на раздорожье
Красный воин упадет,
Маша Уткина поможет,
Маша Уткина придет.

Вся в огне застава наша
И в дыму пороховом,
Возле раненого Маша
С перевязочным бинтом.

И в простом ее обличье
Узнавали люди вновь
Русской женщины величье,
Русской женщины любовь.

3

Днем и ночью бой кровавый
В пограничной стороне,
Новой честью, новой славой
Мы увенчаны в войне.

Лес высокий в клочьях дыма,
Темен дым пороховой,
Вновь идет неустрашимо
Маша в грозный, смертный бой.

Как бойцы ее любили,
Как в сраженьях берегли,
Как бесстрашно с ней ходили
В знаменитые бои!

Но в часы атаки грозной
Миной вражеской она,
Воин смелый, краснозвездный,
Насмерть сразу сражена...

Ты ль в бою убита, Маша?
Ты ль сегодня умерла?
Ведь в семье орлиной нашей
Ты орлицею была.

Ты ль убита вражьей миной,
Прачка наша, верный друг?
Всенародной героиней
В боевой вступаешь круг.

Победив врагов проклятых,
Будем чтить в грядущих днях
Верной доблестью богатых,
Отличившихся в боях,

Всех, трудами боевыми
Расправлявшихся с врагом,
И твое простое имя
Будет жить в краю родном.

И в простом твоем обличье
Распознают люди вновь
Русской женщины величье,
Русской женщины любовь.

МИХАИЛ ДУДИН

Кострубо

Два взрыва слева. Восемь—справа.
Кипит холодная вода.
Дрожит в горячке переправа,
И он врывается туда—
За косогор, на новый берег,
Через траншеи и кусты.
В расчетах точен и уверен,
Передовые сняв посты,

Он первый вырвался в пролеты,
Настойчив и неукротим!
И части поднятой пехоты
Сквозь грохот двинулись за ним.
Гремит ура. Рубеж захвачен,
Враги бегут. И вновь уже
Фигура крепкая маячит
В дыму на новом рубеже.

Враги отходят, пятясь, пятясь.
За новый ров, за косогор.
Еще стремительнее натиск,
Еще стремительней напор.
Земля в клочки, и крови сгустки.
Чадит пороховой угар.
Вот это наш, вот это русский,
Ошеломляющий удар.

Еще дымится поле брани.

Входя, пошатываясь, в штаб,
Он понял, видимо, что ранен,
Что удивительно ослаб.

От боли стискивая зубы,
Он у стола штабного встал.
— Умеешь воевать, Кострубо!—
Сказал навстречу генерал.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

Гусейн Алиев

Синеет над аэродромом
Снег, заметая все углы.
И вспоминаем по-родному
Мы вновь Гусейн Бала-оглы.

И снова губы сжаты плотно,
И на глаза упала тень...
Кто нам припомнился в нелетный,
Повитый изморозью день?

Кто смел повелевать стихией,
Кто знал одну отраду—бой?
Все это ты, Гусейн Алиев,
Азербайджанец молодой.

Одной мечте и страсти отдал
Ты смелость, юношеский пыл.
Ты нашу русскую природу
С сыновней нежностью любил —

Березы, сосны, перелески,
Необозримые поля.
Взвиваясь в небеса отвесно,
Ты знал: «Здесь родина моя».

Бывало, мстителен, бесстрашен,
Ты мчался, атакуя строй,
И падал наземь коршун вражий,
Раздавлен дерзостью такой.

О, если б возвратить горенье
Большого, яркого огня!
Читаем строки заявленья:
«Примите в партию меня».

Просты слова рекомендаций.
Пусть песни о тебе споют.
Ведь ты хотел летать и драться,
И жить, и побеждать в бою.

Ты мчался, маленький и юркий,
Собою землю заслоня,
И не один зловещий «Юнкерс»
Бежал от грозного огня.

Вокруг четыре «Мессершмитта»,
Как молнии, переплелись.
Тобой, Алиевым, разбитый,
Был первый сброшен камнем вниз.

Второй упал. Твоя награда...
Но обнаглевший хищник лют,
И три безжалостных снаряда
Кабину, сектор газа рвут.

И тридцать, не забудем, тридцать
Осколков вражеских в груди,
Но сердце продолжает биться,
И отдает приказ: «Дойди!»

«Дойди!» Пусть легкие пробиты
И в баках пусто, сдал мотор.
Но гибели наперекор
Шел на посадку истребитель,
Со смертью продолжая спор,
Все сознавая, не вслепую,
В вершинах сосен и берез...

И на прогалину лесную
Пришел, не выпустив колес.
Он завершил свой подвиг трудный...
Вдали шумел аэродром.
Через минуту непробудным
Алиев спал последним сном.

Но в этом сне штурвал спокойно
Сжимал он мертвою рукой.
Пройдут года, минуют войны,—
Мы не забудем подвиг твой!

Когда на круг аэродрома
Приходят стаями орлы,
То как не вспомнить по-родному
Тебя, Гусейн Бала-оглы?!

Душа истребителя

Я описать хочу стихом простым
Не только волю, смелость, страсть героя,
Но и глаза с усмешкою живою,
Лицо, что будет вечно молодым.

И украинский мягкий говорок,
И прядь волос, что непокорно вьется.
Всегда в движеньи. Сколько пар сапог
Такому непоседе сбить придется?

«Давай, давай»... Взметнулся самолет
Высокими, крутыми небесами.
Он лесенкой невидимой идет,
И кажется сама душа поет,
Так руль послушно легок под руками.

И на врага свистящим вихрем, в лоб.
Так видеть, так летать дано немногим,
Сквозь трассы пуль, у смерти на пороге
Его бессмертье осенить могло б.

От Лохвиц, детства в тихом городке,
Когда биплан над ним взлетел как небыль,
И он стоял, неведомый никем,
Влюблен в недосягаемое небо.

От Черноморья, где в глазах рябил
Навстречу солнцу ветер самолетов,
Где синие ангары сторожил
Он—пехотинец караульной роты.

Как был тогда недосягаем взлет!
Кружились пчелы, собирая мед,
Подсолнухи кивали головами,
Взмывали ласточки над тополями,

Но он, упорный и неугомонный,
Хотел открыть секреты мастерства.
И первый в завоеванную зону,
В просторы неба сверстников позвал.

К чему стремится летчика душа?
К движению, атаке, вихрю боя.
Кто хоть однажды высотой дышал,
Тот на земле не обретет покоя.

Он наяву представит и во сне,
Как молнии скрестились пред глазами,
Как в черном, дымном, облачном окне
Взмывает заградительное пламя.

И как летят за ним штурмовики
На бреющем в пургу на лагерь вражий.
Молчат про этот грозный штурм враги,
Кто был внизу—тот ни о чем не скажет.

Когда все небо полнится струной
Особого, высокого оттенка,
Как наша песня русская,—родной,
Мы говорим — летает Романенко.

Стремительна атака на врагов,
Гашетку пальцы жали в нетерпеньи,
Он в бой ведет своих учеников
И мертвой хваткой бьет без промедленья.

И где б его питомец ни летал —
На Ладоге, на Ханко, над Кронштадтом,—
В нем будут те же дерзость и закал
И лютая для недруга расплата!

ЕЛЕНА РЫВИНА

Баллада о танкисте Смирнове и девушке Лиде Быковой

О подвигах славных советских бойцов
Рассказывай, гордое слово,
О том, как однажды майор Ушаков
Позвал лейтенанта Смирнова:
— Явился?
— Явился, товарищ майор!
— Садитесь! Имеется к вам разговор:

— Задание не просто, да вам не впервой.
При вашей известной сноровке.
Проклятые немцы неделю с лихвой
Хозяйничают в Поповке.
Разведайте, боем врага теребя,
Как чувствуют немцы в Поповке себя.

Узнайте, доволен ли нами сосед,
Да сделайте все это тише...
Смирнов улыбнулся майору в ответ,
«Все понял» — ответил — и вышел.
Когда посылает майор Ушаков, —
Любой из танкистов хоть в воду готов.

А танк уже ждет, как испытанный друг.
Ни облачка на небе чистом.
Водителем танка сидит Грецанюк,
Ляховский — артиллеристом.
Радист молодой Николай Дименков.
Командует танком товарищ Смирнов.

Кончается наша земля, и ничья
За ней полоса исчезает,
И вот уже танк загремел у ручья, —
Дорогу ручей преграждает.
А там, за ручьем, где Поповка лежит,
Дороги немецкий патруль сторожит.

И мрачно выходит из танка Смирнов,
Куда подаваться, — гадая?
И видит у домика возле кустов
Дивчина стоит молодая.
Советская, наша, стоит пред бойцом,
С косой светлорусой и с ясным лицом.

— Далеко ли немец?
— Да немец вот тут,
У нас он — вот в том и обида...
— Как звать тебя, девушка?
— Лидой зовут.
— Дороги не знаешь ли, Лида?
А ну, укажи нам, подруга, пути,
Чтоб нам поскорее до немца дойти.

И девичьи вдруг загорелись глаза,
И радость, и гнев в них неистов:
— Возьмите с собой меня лучше...
— Нельзя!
— Возьмите с собою, танкисты.
— Ты можешь погибнуть — идем мы на бой!

— Танкисты, прошу вас, возьмите с собой!
Я знаю здесь каждый пригорок и куст,
Мне каждая тропка знакома,
А если погибну я с вами — так пусть.
Лишь немца бы выгнать из дома.
Лишь гансу не видеть бы ясного дня...
Танкисты, танкисты, возьмите меня.

Мы всюду найдем их — уйти им нельзя.
— Ой, девушка, струсишь!
— Не струшу!
И девушка смотрит танкистам в глаза,
И видят бойцы ее душу.
К механику Лиду сажает Смирнов.
И танк наш к опасному рейсу готов.

И вот он уже на другом берегу,
Гремит по тропе, у оврага...
По тихому лесу, навстречу врагу
Идет боевая отвага.
И вот уже в первой из вражьих засад
Патруль вместе с пушкой раздавлен и смят.

Штаб вражеский.
Башни крутой разворот.
Кипит боевая работа.
Ляховский в упор из орудия бьет,
И вторят ему пулеметы,
Смертельным огнем Дименков и Смирнов
В упор поливают бегущих врагов.

Навстречу отваге, навстречу огню
По танку грохочут снаряды,
Но только недаром на танке броню
Ковала рука Ленинграда.
От вражеских пушек остался лишь дым,
А гордый красавец стоит невредим.

— Ну, Лида, куда подадимся сейчас?
Тебе командирское слово.
— Я знаю, у немца обеденный час,
Они в офицерской столовой...
И двинулся танк, ощутив аппетит,
Его экипаж пообедать летит.

На полном ходу, перепутав слегка,
Сквозь стену въезжает, как в двери,
И лишь штукатурка летит с потолка,
Да мечутся немцы, как звери.
— Ну, что ж, за работу теперь, Николай,
А ну, пулемет, поддавай, поливай.

И кончился этот немецкий обед.
(Майор, ведь, приказывал тише...)
И двинулся танк, унося на себе
Разбитого здания крышу.
Венчая машину, что славы полна,
Последним трофеем лежала она.

Но конная мчит батарея стремглав
На помощь фашистам скорее.
И ринулся танк, беспощадно подмяв
Все то, что звалось батареей.
Танк мчится обратно в родную семью,
С ним новый танкист, побывавший в бою.

Как в первую встречу, упорства полна,
Веселая, смелая, та же
Сестренкой танкистов зовется она
В родимом своем экипаже.
И славной сестренкой гордится с тех пор
И весь батальон и товарищ майор.

Я славлю бесстрашие, мужество, честь
Особой танкистской породы,
Где все, что на свете великого есть,
Сказалось в суровые годы.
Прославим же силу советской брони,
Которую сердцем скрепили они.

Три стихотворения
о гвардейском комиссаре Георгии Журбе

I

Рассказ о последнем бое Журбы

В разрывах, в отблесках ракет,
Уже во тьме ночной
На левом берегу Невы
Шел непрерывный бой.

И как всегда наш комиссар
Был только впереди,
Лишь там, где яростней удар —
Легко Журбу найти.

Он там, где дрогнули ряды,
Напор врага силен, —
И если ослабеешь ты —
Тебя окликнет он.

Но если, слабость одолев,
Ты вырвался вперед,
Вдруг, оглянувшись, видишь ты—
Журба с тобой идет.

Вот крикнул он:
— Орлы, вперед!
Пощады — никому!
А пуля подлая в живот
Ударила ему.

И на сентябрьскую траву
Упал он в этот миг,
Кусая темные усы,
Удерживая крик.

Недаром был наш комиссар
Георгием Журбой,
Он сам с собою в этот час
Вступил в смертельный бой.

Он думал: если это смерть —
Ну, что ж, тому и быть!
Пусть я умру, но смерть моя
Должна живым служить.

И сила воинской души
Здесь выразилась вся —
Он на колени поднялся,
Шатаясь, поднялся...

Дрожащей слабою рукой,
Удерживая кровь,
— Орлы! — он крикнул:
— Здесь я, в бой! —
И опустился вновь

Наш комиссар — он так был слаб,
Струилась кровь ручьем.
И понесли его мы в штаб,
Боясь — не донесем...

Мы на носилках не могли, —
Нельзя его трясти.
И восемь километров нам
Всю ночь пришлось итти.

Кромешным адом ночь была,
Нет, хуже чем в аду.
Его несли мы, — он нас в бой
Все отсылал в бреду.

А враг бомбил. И мы лежим
С бесчувственным Журбой,

И, плача, юный адъютант
Закрыл его собой.

И ночи не было конца,
Как на краю земли...
Но мы его живым, живым
До штаба донесли.

II

Последние часы Журбы

Октябрьским пламенем горят
Деревья и кусты,
Машина мчится вдоль полей,
Поля теперь пусты.

Но что нам до полей пустых!
Одним живем с тобой:
Застать его в живых, в живых,
Увидеться с Журбой.

Журба лежит. Он недвижим.
Мы наклоняемся над ним.

Он узнает нас. И звучит
Опять былая речь.
Совсем не мы его, он нас
Старается отвлечь.

Но просит не смешить его,
А то он пропадет:
— Я, сами знаете, смешлив,

Нельзя трясти живот.
Он вспоминает ночь и бой,
Победам новым рад...
— Пусть я упал, но мы стоим,
Мы не ушли назад.

Он вспоминает, что еще
Такая уйма дел,
Что проваляться долго он
Совсем бы не хотел,

Что трубку обещал ему
Писатель подарить,
Из этой трубки он еще
Надеется курить...

Но боль сжимает рот ему,
И вновь он недвижим.
Тогда любимый командир
Склоняется над ним.

Он как ребенку гладит лоб
Отцовскою рукой.
— Чего бы ты хотел, Журба?
Подумай, дорогой...

И вновь на восковом лице
Горят глаза бойца:
— Чтоб Сашка с Гутькою мои
Запомнили отца!
Чтоб делали мои друзья
Великие дела,
И чтоб дивизия моя
Гвардейскою была.

III

Похороны Георгия Журбы

Под ласковым инеем первых морозов,
Под выцветшей поздней травой,
Под белой березой, спокойной березой
Лежит комиссар полковой.

Его на руках принесли мы в обитом
Пылающем шелком гробу,
С лицом, как при жизни, — спокойным,
открытым —
Сюда принесли мы Журбу.

Стоит автоматчик. Стоит минометчик.
Оружье стрелков на весу.
И рядом с командующим войсками
Сержант вытирает слезу.

И траурный марш величавей и шире,
Как скорбь наша — властно встает,
И Родина почести, высшие в мире,
Бойцу своему отдает.

Весной мы посадим здесь первые розы,
Земли отвоеванный дар.
Пусть знает земля, что под этой березой
Гвардейский лежит комиссар.

— —

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

Докладывает «КВ»

У штаба встал грохочущий «КВ»,
Багров — на багровеющей траве.
Со скрипом люк открылся, и танкист
Из танка вышел, молод и плечист.
К нему навстречу — командир полка.
Танкист — навытяжку.
К виску рука:
— «Товарищ командир...» А тот, рукой
Махнув, в ответ: «Доклад не нужен твой.
Ясней доклада... Все понятно так, —
Сказал усач. — Смотри, смотри на танк...»
Танкист взглянул: «КВ» стоял в крови.
А командир сказал:
— «Так продолжай, дави!»

3. ПРОРЫВ

МИХАИЛ ДУДИН

Гвардейцам

Умолкнет гром последнего раската,
Мы где-нибудь да встретимся опять.
Нам есть, о чем поговорить, ребята,
Нам есть, что вспомнить, что порассказать.

Мороз такой, что спирт не отогреет.
Но кверху поднимается ладонь,
И голос Давиденко: «Батарея...
И следом оглушительно: — Огонь!»

Снарядами разрытые, сухие,
В золе и пепле черные снега.
И мне припоминаются другие
Скалистые, седые берега...

Жарынь-жара. И в перелесках алых
Ночь, словно день, тревожна и светла.
Дурман-трава и лишаи на скалах,
Лес и болота сожжены дотла.

Мы не тряслись, как хвост у трясогузки.
Огонь и пыл вовек неистребим.
Напористо, размашисто, по-русски
Мы шли вперед сквозь полымя и дым.

И вот опять на брустверах и дзотах
Сдувает взрывом инея налет.

Обстрелянная матушка-пехота
Тремя волнами хлынула на лед.

И словом оборотистым, покруче,
От раны незавязанной багрян,
Уже ведет своих бойцов по круче
На левый берег капитан Салтан.

А позади (за них отплатим все мы!),
Подкошенные пулей на бегу,
Лежат друзья, безропотны и немы,
На розовом подтаявшем снегу.

Здесь жизнь проста, а смерть подавно проще.
Из немцев душу вышибая вон,
За разнесенной в щепки «Редкой рощей»
Уже проходит третий батальон...

Уже в конюшне вспыхнула солома,
Уже, до крови закусив губу,
В немецкий дзот гранату бросил Шлома
Через печную ржавую трубу.

И вслед за взрывом отлетают двери,
Как будто ад наружу лезет сам.
И на четвереньках выползают звери
И поднимают лапы к небесам.

Они дрожат. Налево и направо,
Через Неву и вдоль и поперек,
По грубым деревянным переправам,
По рытвинам разъезженных дорог

Уже проходят танки. А в сторонке,
Ободранные выставив горбы,
Тяжелые немецкие трехтонки,
Как лошади подъяты на дыбы.

За Марьином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по-уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.

Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк.
Путилов — с нами. Говтоленко — с нами.
И берегом проходит Симоняк.

Мы знаем боевого генерала,
Он — батька нам, он нам и друг, и брат,
Обстрелянный, настойчивый, бывалый,
Огонь и воду видевший солдат.

Вот он идет. Во тьме свистят осколки...
Суровое спокойное лицо.
Мы забираем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо.

Уже последним натиском атаки,
Разгоряченный боем, как снаряд,
С бойцами прорывается Собакин:
— Товарищи, свободен Ленинград!

Еще об этом песня не пропета,
Еще «ура» несется по рядам.
Всю страсть и вдохновение поэта
Я этой песней с кровью передам.

Мы соберемся снова, как бывало,
Друзья по гроб. И сразу — пробки вон.
Кутузов, Черноус и Чичеланов,
Никем незаменимый почтальон.

8 Зак. 270

Мы выбьемся до праздника такого,
С врагами рассчитаемся сполна.
Мы Зотова помянем и Уткова,
И Виктора помянем Чухнина.

Война не ждет. Иди вперед и бейся.
Мы жизни не щадили на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так, значит, с нас и спросится вдвойне.

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

Мертвый немец

Вот он лежит скареженный в снегу.
Под ним, как студень, кровь его застыла
Остроконечной пулей на бегу
Ты раскроил тупой его затылок.

И панцырь не помог ему в тот час,
И черный крест на вытянутой шее,
Когда рывком — с Невы — разгорячась,
По крутизне ты выбился к траншее.

Ты разорвал проклятое кольцо,
Сквозь ад и смерть пробил к просторам
двери!..
Запомни же косматое лицо
Насильника, мучителя и зверя.

Ведь это он убил твою жену,
Ему твой дом с добром твоим достался.
Ты свел с ним счет. Но за свою страну
Ты полностью еще не расквитался.

Вот он лежит, поверженный во прах,
Раскинув рук обугленные крючья.
Ты видишь, как сковал смертельный страх
Глаза остекляневшие паучьи.

О, он еще надеялся и ждал,
Малайским ромом брюхо грел в окопе,
Полмира испохабивший вандал
С триумфом прошагавший по Европе.

Как звать его — не все ль тебе равно?
Твой русский гнев искал его давно.

Прямой провод

Еще грохочет властно канонада,
А вслед уже войскам через Неву —
Торопятся: прямой из Ленинграда
Ведут связисты провод на Москву.

Скорей, скорей! В любви неистребимой —
Вгоняя в грунт сосновые столбы —
К Большой Земле заждавшейся, любимой
Наперекор превратностям судьбы!

И словно мертвый берег обживая,
Кругом звучит — в размах широких плеч —
Взволнованная, русская, живая,
Веселая хозяйственная речь.

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

Четыре дня

Над нами смерть, как сон, витала,
Нас окружал четыре дня
Поток разящего металла,
Циклон ревущего огня.

И даже не было в сторонке
Клочка нетронутой земли.
Кругом — воронка на воронке,
Мы только в них дышать могли.

За нами город был...
Едва ли
Ты в нём представишь наяву,
Как левый берег штурмовали
Бойцы, форсировав Неву.

Как по траншеям,
По оврагам,
Сквозь ржавых проволок ежи
Вперед стремились — шаг за шагом —
И укрепляли рубежи.

Как смертным боем били катов
Без передышки до утра,
Как в роще «Ландыш» до заката
Гремело русское «ура».

Как то, что грезилось ночами,
Пришло коротким торжеством,

Как увидали волховчане
Друзей в дыму пороховом.

Как мы рванулись им навстречу,
Как был нелегким тот прыжок
И как покрыл нам дружно плечи
Январской свежести снежок.

Как стало вдруг всё белым, белым,
Как сон пришел и взял меня,
И в снег на поле поседелом
Я рухнул всем уставшим телом...
Ведь я не спал четыре дня.

БОРИС ЛИХАРЕВ

Стихи о прорыве блокады

I

Среди дымящихся предместий,
В гуле грозных батарей
Я услышал голос мести
Наших русских матерей.

Так толково били пушки,
Что казалось мне, во мгле
Сосен темные верхушки
Пригибаются к земле.

Освежая снегом губы,
Расторопен и плечист,
Сбросил наземь полушубок
Молодой артиллерист.

Парень бравый и неробкий
За ударом слал удар.
Так в дымящуюся топку
Уголь мечет кочегар.

И пальба была в зените.
Громыхал огня поток.
Из блиндажных перекрытий
Хлынул струями песок.

И казалось мне, поверьте,
Все отныне только прах.
И казалось мне, до смерти
Будет этот звон в ушах.

И к ушам бойцов ладони
Потянулись все подряд.
По движеньям губ я понял,
Что кричат: «За Ленинград!»

Вздрогнув, небо загудело,
Почернели берега,
Огнедышащие стрелы
Устремились на врага.

И взлетели вражьи дзоты,
И земля оделась в дым,
И на лед взошла пехота
Вслед за валом огневым.

И тогда в дыму предместий,
В гуле грозных батарей
Понял я—то голос мести,
Голос наших матерей.

II

Шлиссельбургская крепость,
Ты поэмой живой
Поднялась над великой,
Над родимой Невой.

Стены тут простирают
Вверх зазубрин края.
Как видение славы,
Здесь твердыня сия.

От воды на морозе
Пар студеный, туман.
Флаг, разодранный в клочья,
Реет в небе багрян.

И как будто корабль
Уплывает в Неву:
Как легенда и песня,
Устремившись в молву.

Сколько раз, не сочтешь ты,
Шел на приступ тевтон.
Но сдержал этот натиск
Храбрецов гарнизон.

И упали на крепость
В блеск геройских ночей
Столько бомб и снарядов,
Сколько здесь кирпичей.

Но из дымных развалин
Ночью, вечером, днем
Отвечали ребята
На огонь лишь огнем.

А когда прозвучала
Им команда: «Вперед!»,
Сами двинулись штурмом
Через ладожский лед.

И венчают их славой
Тех зазубрин венцы...
Дорогие, родные,
Золотые бойцы.

III

Серо-зеленая шинель
И с черной свастикой шапчонка...
Девчонка им кричала: «шнель!»,
«Цурюк!» — кричала им девчонка.

И перед нею жмутся в круг
Обезоруженные фрицы.
Недоумение, испуг
Им перекашивает лица.

Встань, Ленинградочка моя,
Встань с автоматом, богатырша,
Серо-зеленого зверья
Ты боевая конвоирша.

Ты этот сброд сопроводи,
Ты, в полушубочке дубленом,
Закон суровый утверди
Над всем немецким батальоном

Твои друзья вперед идут,
Им время дорого для боя.
Ты похозяйничаешь тут,
Гордясь отменною судьбою.

Как ты сегодня хороша,
Когда разбойничее стадо
Ведешь к предместью Ленинграда,
В руках сжимая ППШ.
Сияет солнце с высоты,
Мороз твои румянит щеки...
Сбылись назначенные сроки,
Сбылись заветные мечты!

СОДЕРЖАНИЕ

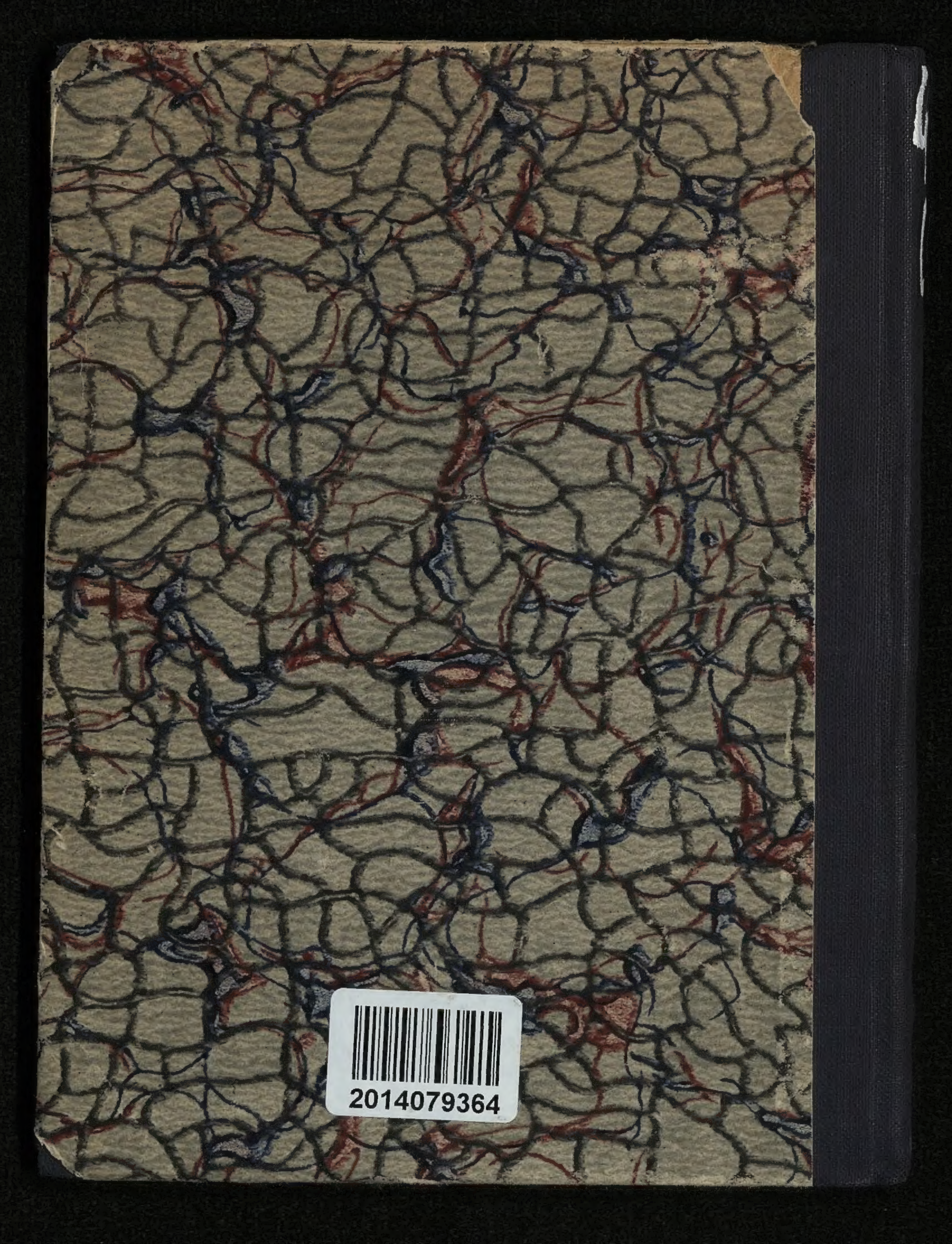
2. ГЕРОИ

3. ПРОРЫВ

ОТДЕЛЕНИЕ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА НКО
при Ленинградском фронте
Редактор *капитан П. Яцынов*

Г7471 Печ. л. 3,88. Подписано к печати 19.II. 1943 г. Зак. 270
2-я типография НКО имени К. Ворошилова.

Цена 2 руб.

2014079364